

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«НОВОМОСКОВСКАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Валентина Люкшинова

Читая Пушкина сегодня

сборник очерков

Новомосковск – 2019

83 (2Р-4Тул)
Л-94

Редакционная коллегия:

Змеева С. Г., Пасько С. В., Иванникова Н. В.
Польшина А. В. (отв. секретарь)

Люкшинова, В. Д. Читая Пушкина сегодня : сборник очерков / В. Д. Люкшинова ; МБУК «Новомосковская библиотечная система», Центр. гор. б-ка ; редкол. : Змеева С. Г., Пасько С. В., Иванникова Н. В., Польшина А. В. (отв. секретарь). – Новомосковск : [б. и.], 2019. – 125 с.

Материалы сборника включают очерки новомосковского литератора-краеведа В. Д. Люкшиновой (1949–2016), посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина.

Сборник адресован учёным, преподавателям, учащимся, студентам и всем, кого интересует биография великого русского поэта.

© МБУК «Новомосковская библиотечная система»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
«НЕДАРОМ ЖИЗНЬ И ЛИРА МНЕ БЫЛИ ВВЕРЕНЫ СУДЬБОЙ»	8
Это мой Пушкин	8
ЕЩЁ РАЗ О ПУШКИНЕ	16
ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ДНЕЙ	21
ПО СТРАНИЦАМ ПУШКИНИАНЫ (ИЗ КНИГИ «12 ЗЕРКАЛ ПУШКИНА»).....	29
ПУШКИН И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ.....	34
«ТЕСНЫЙ КРУГ ДРУЗЕЙ МОИХ»	39
«ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ...»	39
«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...»	46
«И ПАЛЬЦЫ ПРОСЯТСЯ К ПЕРУ, ПЕРО К БУМАГЕ...»	53
Пушкин и философия: ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ	53
В. В. Розанов о ПУШКИНЕ	56
ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ А. С. ПОЗОВА «МЕТАФИЗИКА ПУШКИНА»	61
ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ БОРОДИНА	65
ЦЫГАНЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА.....	73
МИФОЛОГИЯ СКАЗОЧНЫХ ОБРАЗОВ ПУШКИНА	78
ПРОДОЛЖЕНИЕ И ОКОНЧАНИЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»	83
КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ	87
ДВЕ МЕТЕЛИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	94
ДВА РОМАНА.....	100
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	119

Предисловие

Издание книги «Читая Пушкина сегодня» приурочено к 220-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина и 70-летию со дня рождения педагога, музейного работника, литератора-краеведа Валентины Дмитриевны Люкшиновой (1949–2016).

Люкшинова Валентина Дмитриевна родилась в деревне Серебрянь Октябрьского (ныне Михайловского района) Рязанской области. С 1951 года проживала в Новомосковске. Закончила среднюю школу № 18. С 1967 по 1971 годы училась в Тульском педагогическом институте им. Л. Н. Толстого. С 1971 по 1974 годы работала учителем русского языка и литературы Покровской средней школы Тёпло-Огарёвского района Тульской области.

С 1974 по 1990 годы работала старшим методистом Новомосковского бюро путешествий и экскурсий. В 2015 году издана книга «Новомосковское бюро путешествий и экскурсий», автор-составитель В. Д. Люкшинова.

С 1992 по 1996 годы работала учителем русского языка и литературы Новомосковской средней школы № 1.

С 1997 по 2009 годы Валентина Дмитриевна Люкшинова работала сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим Новомосковским археологическим музеем. Она – автор краеведческих брошюр, посвящённых истории города: «Герб, флаг, гимн Новомосковска», «Древние топонимы региона», «Фонетические и морфологические особенности тульских говоров», «Краткий путеводитель по археологическому музею», «Свято-Успенский мужской монастырь

г. Новомосковска», «Деревня Урванка», «Военно-исторические памятники Новомосковска». Автор краеведческих брошюр, посвящённых выдающимся новомосковцам: «В небесах мы летали одних...» (о новомосковцах-Героях Советского Союза), «Пётр Георгиевич Арутюнянц», «Иван Иванович Загрядский», «Василий Георгиевич Маликов», «Дмитрий Григорьевич Оника», «Степан Васильевич Садовский». Автор краеведческих брошюр, посвящённых новомосковским писателям, поэтам, художникам: «Владимир Александрович Большаков», «Александр Ильич Копачёв», «Степан Яковлевич Поздняков», «Вячеслав Михайлович Кузнецов» и др.

В 2006 году издана книга В. Д. Люкшиновой «Из тульских дворян», а в 2008 вышел литературно-краеведческий альманах «Лик», ответственный редактор – В. Д. Люкшинова. Она является автором книг, посвящённых литераторам и краеведам: «Литературные портреты. Поэты и прозаики Новомосковска» (2004), «Литературные портреты-2. Поэты и прозаики Новомосковска» (2013), «Алфавит. Литераторы и краеведы Новомосковска, Богородицка, Донского, Кимовска, Узловой» (2015).

Работая в музее, Валентина Дмитриевна, помимо исследовательской, литературной деятельности, много внимания уделяла экскурсионной, выставочной работе, руководила Клубом творчества.

Много лет В. Д. Люкшинова была членом Пушкинского общества, участвовала в творческих встречах, экскурсионных поездках, издательских проектах пушкинистов. Она регулярно публиковалась в «Новомосковском пушкинисте», являлась составителем

книги «Новомосковское Пушкинское общество: вчера, сегодня, завтра» (2014).

В. Д. Люкшинова – автор увлекательных, ироничных повестей «Гувернантка» (2005), «В театре» (2014), сборника художественных произведений «Пятое время года» (2010), книг «Рассказы о животных» (2014), «Записки сельской учительницы периода застоя» (2014) и др., ряда публикаций в сборнике «Иван-озеро» (2011), журнале «Приокские зори», местных газетах.

В. Д. Люкшинова была постоянным участником краеведческих чтений, организованных Центральной городской библиотекой МБУК «Новомосковская библиотечная система» (2009–2015).

В. Д. Люкшиновой дважды (2004, 2016) присуждалась муниципальная премия 2-й степени «За вклад в развитие муниципального образования город Новомосковск» в области культуры и искусства, литературы и журналистики. В 2010 году награждена премией им. Ярослава Смелякова в номинации «Актуальные краеведческие работы». Награждена грамотой Российского Республиканского Совета по туризму и экскурсиям; грамотой Правления Тульского Историко-Родословного Общества «За большой вклад в сохранение исторического наследия»; Дипломом лауреата конкурса сочинений «Моя малая Родина», организованного Центральным Советом Ассоциации музеев России; Почётной грамотой Департамента образования и высшей школы Администрации Тульской области; благодарственным письмом Тульской областной Думы и другими грамотами.

Валентина Дмитриевна Люкшинова была активным читателем и большим другом сотрудников Центральной

городской библиотеки. Она участвовала во многих литературно-музыкальных композициях, презентациях книг новомосковских авторов не только в качестве зрителя, но и непосредственного участника, что отражено в летописи истории библиотеки.

После смерти В. Д. Люкшиновой родственники передали в фонд Центральной городской библиотеки архив, в котором много материалов по истории, краеведению, генеалогии, литературоведению, языкознанию, искусствоведению и другим отраслям знаний. Валентина Дмитриевна кропотливо собирала этот ценный архив и использовала в своей деятельности. Сотрудники библиотеки приняли решение оцифровать рукописные и машинописные документы. Часть материалов в электронном виде уже подготовлена сотрудником библиотеки Андреем Анатольевичем Герасимовым. Работа с архивом продолжается.

Предлагаем вашему вниманию документы из архива В. Д. Люкшиновой, посвящённые А. С. Пушкину.

Материал в сборнике сгруппирован по тематическим разделам, внутри разделов – от общего к частному. В рекомендательном библиографическом списке литературы (с. 119–125) сначала перечислены произведения В. Д. Люкшиновой; затем идут работы, в которых она была составителем или редактором; далее перечислены статьи из сборников разных лет. Завершают список неопубликованные документы. Внутри разделов литература дана в алфавитном порядке.

«Недаром жизнь и лира мне были вверены судьбой»

Это мой Пушкин

Когда-то Марина Цветаева написала великолепную работу «Мой Пушкин». «Пушкин был мой Первый поэт» – эти слова Марины Ивановны определили её отношение к жизни и творчеству «солнца русской поэзии». Её субъективный взгляд на Пушкина потому и интересен, что это её взгляд.

Но у каждого из нас свой Пушкин. Помню, учась в четвёртом классе, на сэкономленные на пирожках деньги, купила в букинистическом отделе книжного магазина № 34, который находился на площади (сейчас его уже нет) «Евгения Онегина» с гравюрами Ф. Константинова. Помню, на книге экслибрис прежнего владельца «врач Зверев». Спасибо ему, книга в бледно-голубом дерматиновом переплёте с лощенной бумагой и великолепными иллюстрациями стала одной из любимых в моей домашней библиотеке.

Сейчас «мой» «Евгений Онегин» весь исписан аккуратными карандашными комментариями из различных книг, посвященных пушкинскому шедевру. В текст вписаны и пропущенные строфы. В восьмом классе, отдыхая у бабушки и дедушки в деревне, лёжа на старом ватном одеяле под пушистой ветлой, я заучивала строфы «Онегина» просто для удовольствия: завораживала невероятная лёгкость и воздушность пушкинских строк.

Потом, работая в сельской школе Тёпло-Огарёвского района, в книжном магазине в Тёплом, где лежали свободно книги, за которыми в Новомосковске гонялись, в кладовке нашла последние тома 10-томного академического издания А. С. Пушкина. Издание подписное, видно, дневники, письма, публицистика, исторические произведения поэта подписчиков не заинтересовали. Они эти тома, на моё счастье, не забрали. Книги дожидались меня долгие годы, уже несколько

попорченные временем. Я забрала эти синие томики, и сейчас они с моими пометками лежат у меня под рукой. Я частенько в них заглядываю.

Николай I после разговора с Пушкиным в Москве в 1826 году так отозвался о нём: «Я сейчас беседовал с одним из умнейших людей в России». Пушкин был действительно таким человеком. При этом весёлым и ироничным. Таким он предстаёт в своих письмах.

В письме Н. И. Кривцову от августа 1819 года из Михайловского в Лондон поэт пишет: «Я не люблю писать писем». Может, и так. Однако почти 800 его писем содержат не только какие-то личные известия, но и размышления о жизни, литературе, политике.

Василию Львовичу Пушкину, дяде, Пушкин сообщает (28.12.1816 из Царского Села в Москву): «Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем – обещательные и извинительные; первые в начале годовой переписки, а последние при последнем её издыхании». И в эпистолярном жанре Пушкин лёгок, изящен, обворожителен... и глубокомыслен.

В письмах, дневниках, публицистических статьях Александра Сергеевича много размышлений о литературе вообще и о поэзии в частности. «Век наш не век поэтов – жалеть, кажется, нечего – а всё-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее – скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо. И то хорошо», – пишет он П. А. Вяземскому из Петербурга в Варшаву в апреле 1820 года.

А брату Льву в том же 1820 году даёт совет: «Ради бога, почитай поэзию доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться её милым болтанием и сказками; но влюбляться в неё – безрассудно».

Вяземскому он сообщает в письме из Одессы в Москву: «...я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола».

А А. И. Казначееву он пишет из Одессы в 1824 году: «Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека; оно просто моё ремесло, отрасль частной промышленности, доставляющее мне пропитание и домашнюю независимость».

С. А. Соболевскому в ноябре 1827 года из Петербурга в Москву: «Я богат через мою торговлю стихистой, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича» (отец поэта – В. Л.). М. П. Погодина шутиливо просит в письме 1828 года из Петербурга в Москву: «...не обижайте моих сирот-стишонков опечатками».

Много писал Пушкин и о критике, от которой немало пострадал. «У нас критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы. Сердиться на неё можно, но доверять ей в чём бы то ни было – непростительная слабость». (М. П. Погодину, 17.07.1832 из Петербурга в Москву).

В статье «О критике» поэт пишет: «Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы.

Она основана на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знатоком в художествах? – говорит Винкельман. – Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях».

А в статье «Опровержение на критики» читаем: «Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы».

В письме к К. Ф. Рылеву из Михайловского в Петербург есть такое замечание: «Ох! Уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает?».

Как и сегодня, тогда, когда низвергали Пушкина, превозносили писателей весьма посредственных, которых сегодня уже никто не знает и не помнит.

В статье «Бал» Баратынского» Пушкин пишет о таких литераторах: «Зачем лишать златую посредственность невинных удовольствий, доставляемых журнальным торжеством».

Пушкин видел, как мельчала литература, о «массовой» литературной продукции он писал: «Недоставало палача в числе новейших литераторов (речь идёт о «Записках Самсона-парижского палача» – В. Л.). Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его «Записок» кажется несомнительным».

О «популярной» литературе того времени Пушкин отзывался весьма резко: «Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клеймёного каторжника».

С изумлением читаешь в послании Пушкина А. Х. Бенкендорфу. «Ни один из русских писателей не притеснён более моего». Но вспомнив, как травил критика поэта в последние годы его жизни, не можешь не согласиться с этим утверждением А. С. Пушкина.

Иногда, читая Пушкина, вспоминаю некоторые эпизоды собственной жизни. В дневнике в 1821 года поэт пишет: «4 мая был я принят в масоны». А в январе 1826 года он сообщает из Михайловского в Петербург В. А. Жуковскому: «Я был масон в Кишинёвской ложе, то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи».

Помню, как в 1970-е, находясь в командировке в Кишиневе, специально ходила в двухэтажный дом, который был к тому времени в полуразрушенном состоянии, где в 1820-е

собирались члены масонской ложи «Овидий». Перед этим домом установлен бюст М. Ф. Орлова (скульптор Ю. Канашин), одного из учредителей ложи.

Я ходила по коридорам и комнатам, где под ногами хрустело битое стекло, и пыталась представить, какие разговоры слышали эти стены почти полторы сотни лет назад, как внимал этим речам Пушкин. В таких местах как нигде ощущаешь быстротечность времени.

Интерес к масонству был, вероятно, вполне объяснимым. Пушкина интересовали вопросы политики, судьба мира и страны. Отзвуки этих размышлений мы находим в его статьях, письмах, дневниках.

«Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство», – пишет Пушкин П. А. Вяземскому (27.05.1826 из Пскова в Петербург). Пушкин, естественно, не мог не видеть недостатков отечества, но он не был диссидентом.

В статье «Второй том "Истории русского народа" Полевого» поэт пишет: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей священной стихии исчез и обновился мир... История новейшая есть история христианства».

В другой статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин утверждает: «Долго Россия оставалась чужою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира».

«Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история не требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада», (ст. «Второй том "Истории русского народа" Полевого»).

Продолжая рассуждения о России в статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин пишет: «России определено было высокое предназначение... Её необозримые

равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

В статье «Джон Теннер» Пушкин пишет о США: «С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество, рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть, со стороны управляющих робость и подбострастие; талант более из уважения к равенству, принуждённый к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских штатов, недавно выставленная перед нами».

Путь обличения собственной страны – не путь Пушкина. Поэтому он весьма нелюбезно пишет об одном из первых русских диссидентов в статье «Александр Радищев»: «Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а «Путешествие в Москву» весьма посредственной книгой; но со всем тем не можем в нём не признать преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью».

О книге Радищева Пушкин отозвался так: «Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и прочее преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны».

А отзыв о самом авторе «Путешествия» заставляет вспомнить некоторых наших современников: «Он (Радищев – В. Л.) есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве».

И Пушкин делает вывод, который может быть отнесён и к его собственному творчеству: «Нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви». Это было написано 3 апреля 1836 года. Пушкинское творчество как раз таки проникнуто любовью, поэтому оно так светло и радостно.

Наверное, в противовес Радищеву и пишет Пушкин своё «Путешествие из Москвы в Петербург». Как бы споря с Радищевым, он пишет о том, о чём писал тот, но совсем иначе. Пушкин любит Москву, считает, что её упадок «есть неминуемое следствие возвышения Петербурга». Но Москва – это «учённость, любовь к искусству и таланты», это и промышленность, образование, Московский университет. Хотя о Ломоносове Пушкин отзывался весьма критично: «Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым».

Пушкин положительно отзывался о русском крестьянине: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны».

Но есть и тёмные пятна в русской жизни, например, рекрутство, рабство, пишет он и о помещике, убитом крестьянами во время пожара из-за жестокого обращения. Пушкинский вывод из всего, о чём он писал: «Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу».

И очень актуально звучат строчки Пушкина, адресованные М. П. Погодину: «Мы живём во дни переворотов – или переоборотов (как лучше?)». (03.01.1831)

В статье «Опровержение на критики» Пушкин высказал свое отношение к дворянству: «Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием всякого образованного народа».

В письме А. А. Бестужева (июнь 1825, из Москвы в Петербург) поэт пишет: «Мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается в них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными».

В письме М. П. Погодину (07.04.1834, из Петербурга в Москву) читаем: «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок». И теперешняя литература часто напоминает такой рынок.

А в дневнике поэта находим такую запись: «Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа политическая должна одна вмешиваться в волнения площади, – и царский голос не должен угрожать ни карточью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестаёт скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем». А 17 марта 1834 года Пушкин делает запись в дневнике, связанную с празднованием совершеннолетия государя-наследника: «Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?».

В «Набросках статьи о русской литературе» есть такие строчки: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая

образованность от дикости, кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства».

В «Заметках по русской истории» Пушкин рассуждает о дворянстве: «Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, т.е. награждённое большими преимуществами касательно собственности и частной свободы.

Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание?

Нужно! Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще)».

Русский дворянин Александр Пушкин и жизнью, и творчеством своим доказал свою принадлежность к высшему сословию русского народа.

Литература

1. Пушкин, А. С. Евгений Онегин : роман в стихах / А. С. Пушкин ; графика Ф. Д. Константинов. – Москва : Гос. изд-во худож. лит. [Гослитиздат], 1954. – 263 с., [1] л. ил. : ил.

2. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – [1-е изд.], – Ленинград : Наука, 1950–1951.

3. Цветаева, М. Проза / М. Цветаева. – Москва : Современник, 1989. – 590 с.

4. Люкшинова, В. Д. Этой мой Пушкин / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист / Новомосковская Тул. обл. районная общественная орг. «Пушкинское общество»; под ред. Т. А. Филимоновой; координаторы проекта Т. Гладкова, В. Люкшинова. – Вып. 15. – 2011. — С. 1–6.

Ещё раз о Пушкине

В «Книжном обозрении» № 1 от 5 января 1999 года есть такие строки о поэте: «Русская культура ждёт момент предстояния перед своею совестью, перед Пушкиным. «Пушкин – наше всё», потому что он создал «большой стиль» русской культуры, уловил тот алгоритм, вне которого она перестанет быть собой.

Сейчас культура во всём мире необратимо превращается в цивилизацию. Одно из свойств цивилизации – в отличие от культуры – её легкодоступность, она не требует духовных усилий.

поэтическая речь, которой невольно заслушивались, когда она свободно лилась из уст Пушкина, – умолкла».

«Новейшие поэты не устают прославлять безмолвие... И Тютчев пел о молчании вдохновеннее всех». «Наступила пора, когда «мысль изречённая» стала ложью», – писал Иванов.

Как один из теоретиков искусства символизма Вяч. Иванов утверждает: «Истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве». И заканчивает статью он так: «И «ключи тайн», вверенные художнику, прежде всего ключи от заповедных тайников души народа».

Историку В. О. Ключевскому принадлежит статья «Евгений Онегин и его предки».

«Читая «Онегина», мы впервые учились наблюдать и понимать житейские явления, формировать свои неясные чувства, разбираться в беспорядочных порывах и стремлениях», – пишет Василий Осипович.

Описав Онегина, историк делает вывод: «И здесь (в конце романа – В. Л.), наконец, сам поэт, не кончив повести, бросил его (Онегина – В. Л.) на одной из его глупостей, недоумевая, как поступить дальше с таким бестолковым существованием».

И далее Ключевский пишет: «Да, Онегин не был печальною случайностью, нечаянною ошибкой; у него была своя генеалогия, свои предки, которые наследственно из рода в род передавали приобретаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривления. Онегин – образ, в котором художественно воспроизведена неловкость одного из положений русского общества. Это не общий или господствующий тип времени, а типическое исключение».

И далее довольно подробно Ключевский описывает предков пушкинского героя: «Прадеда нашего героя надобно искать во второй половине XVII века, около Алексеева царствования, в том промежуточном слое дворянских фамилий, который вечно колебался между столичною знатью и провинциальным родовым дворянством. Отец этого прадеда,

какой-нибудь Нелюб Злобин, сын такой-то, был ещё нетронутый служака вполне старого покроя: он из года в год ходил в походы посторожить какую-нибудь границу отечества с пятком вооружённых холопов...

Его сына ждала менее торная дорога. За бойкость его с 15 лет назначили в солдатский полк нового, иноземного строя под команду немецких офицеров... С кислую гримасой принимался он за «грамматичное ученье»...

Разгоралась петровская реформа, и чиновного латиниста... назначили комиссаром для приёма отправки в армию солдатских сапог.

Дети этого меланхоличного комиссара уже попадали под действие закона 1714 года об обязательном обучении дворянства... (Учились, женились, кутили, служили, в том числе за границей ...).

Отцы Онегиных начинали своё воспитание при императрице Елизавете, кончили его при Екатерине. Не доживали свой век при Александре I. (Учились за границей их дети, читали иностранные книги). С этой книжкой в руках где-нибудь в глуши Тульской или Пензенской губернии он (такой дворянин – В. Л.) представлял собой очень странное явление.

Усвоенные им манеры, привычки, симпатии, понятия, самый язык – всё было чужое, привозное, всё влекло его в заграничную даль, а дома у него не было живой, органической связи с окружающим, не было никакого житейского дела, которое он считал бы серьёзным. Своё сельское хозяйство он отдавал в руки крепостного приказчика или наёмного управляющего немца.

Заурядный екатерининский вольнодумец оставался добр и весел, не скучал и не тосковал. Тосковать будет его сын при Александре I в лице Чацкого, а скучать его внук в лице Печорина при Николае I.

(Уроки войны 1812 года).

Совершенно особенным образом подействовала патриотическая скорбь одних и уныние других на их младших

братьев, которые по молодости лет не принимали участия в делах 1812–1814 годов и не были вовлечены в движение, кончившееся катастрофой 14 декабря 1825 года. Они проходили школу тогдашнего столичного света с его показным умом, заученными приличиями, заменявшими нравственные правила, и с любезными словами, прикрывавшими пустоту общежития.

Эта школа давала много пищи злословию, вырабатывала «насмешку с желчью пополам», но не приучала ни к умственному труду, ни к практической деятельности, напротив, отучала от того и другого, всего же более располагала к скуке.

Всё это и стало толчком к появлению людей типа Евгения Онегина: «Из смешения столь разнородных влияний и составилось сложное построение, которое тогда стали звать разочарованием... сами разочарованные любили кутаться в Гарольдов плащ».

Но в состав этого построения входило гораздо более туземных ингредиентов. Здесь были и запас схваченных на лету идей с приправой мысли об их ненужности, и унаследованное от вольнодумных отцов брюзжание с примесью скуки жизнью, преждевременно и бестолково отведенной, и презрение к большому свету с неумением обойтись без него, и стыд безделья с непривычкой к труду и недостатком подготовки к делу, и скорбь о родине, и досада на себя, и лень, и уныние - весь умственный и нравственный скарб, унаследованный от отцов и дедов и прикрытый слоем острых или гнетущих чувств, внушённых старшими братьями.

Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся в одном правиле: ничего делать нельзя и не нужно делать. Поэтическим олицетворением этой растерянности и явился Евгений Онегин. Пушкин один из первых подметил эту новую разновидность русских чудаков.

И это верно, ведь он был не только поэтом, но и одним из умнейших людей своего времени.

Литература

Люкшинова, В. Д. Еще раз о Пушкине / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 20. – 2013. — С. 6–9.

Тридцать семь дней

Сведений о днях рождения Пушкина крайне мало. Так мало, что, пытаясь восстановить год за годом не подробности даже, но хотя бы общие контуры каждого 26 мая (6 июня по новому стилю), мы слишком часто вынуждены строить лишь догадки, предположения, оперировать словами «видимо», «вероятно», «может быть».

И тем не менее даже отрывочные, даже приблизительные сведения, собранные воедино, предстают в новом качестве и что-то прибавляют к нашим знаниям о Пушкине. Попробуем же проследить, как проходили эти 37 дней каждого года его жизни.

1799 год, 26 мая, четверг.

В Москве ветрено и прохладно. Пасмурное небо, дождь... В этот ненастный день на Немецкой улице, в доме Ивана Васильевича Скворцова у жильца его, майора Сергея Львовича Пушкина, родился сын Александр. О днях рождения Пушкина в первое московское десятилетие его жизни у нас нет никаких сведений. Мы знаем лишь, что кочевая жизнь, переезды, странствия, которыми отмечены взрослые годы поэта, начинаются уже с его малолетства.

В начале осени 1799 года семья уезжает в Михайловское, а затем в Петербург, где, очевидно, Пушкин и встречает свою первую годовщину. Летом 1800 года семья возвращается в Москву. Но и здесь, в пределах одного города, продолжают постоянные переезды: Чистые Пруды, Б. Харитоньевский переулок (2 квартиры), Фурманский переулок, Поварская, а сколько адресов, неизвестно.

С 1804 по 1811 годы лето и осень Пушкины проводят в подмосковном сельце Захарово, имении бабушки поэта М. А. Ганнибал.

В пёстрой смене домов и квартир, в беспорядочном суматошном укладе Захарово – единственное место, отмеченное благодарным и нежным чувством поэта: «Моё селенье, моё Захарово». Может быть, в сознании мальчика Захарово, и только оно, связывалось с представлением о своём доме, своих пенатах

– городские квартиры менялись слишком быстро, не успевая создать ощущения семейного очага.

Вероятно, и свой день рождения – такой жданный и любимый детский праздник – Пушкин не раз встретил в Захарове. Так или иначе, но воспоминания об этой подмосковной деревушке были, видимо, не только радостны, но и важны для поэта, если в зрелые годы, незадолго перед женитьбой, его потянуло туда! «Вообрази, что он совершил этим летом сентиментальное путешествие в Захарово, – писала дочери Н. О. Пушкина, – совсем один, только для того, чтобы увидеть то место, где он провёл несколько лет своего детства».

1811–1817 годы. Царское Село.

Пушкин в Лицее. В мае, не всегда точно в день рождения, но очень близко к этой дате, его посещают родные. В 1817 году – 18-летие Пушкина. Последняя лицейская весна. Напряжённая пора выпускных экзаменов. Экзамены идут ежедневно, в торжественной обстановке, в присутствии почётных гостей, родных и знакомых. 26 мая экзамен по географии и статистике отечественной; в этот день Пушкина посещают Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, П. А. Чаадаев, Я. И. Сабуров. Последняя лицейская весна и радостна, и печальна:

Встречаюсь я с восемнадцатой весной,
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубровный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавной?

Следующие два дня рождения – в Петербурге. О первом (1818) у нас нет сведений, а второй (1819) – своё двадцатилетие – Пушкин, очевидно, отметил в кругу друзей: 27 мая он ужинает у Каверина и оставляет в память этой даты радостные и озорные стихи:

Весёлый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела холодная струя.

1820 г., Екатеринослав

Незадолго до дня своего рождения, 6 мая, Пушкин покидает Петербург. С этого дня ведётся отсчёт «невольных лет», долгих и томительных годов изгнания.

26 мая Пушкин в Екатеринославле и встречает свой 21-ый год больным. В эти же дни сюда прибыл генерал Н. Н. Раевский, следующий с семьёй на Кавказ. Позднее Пушкин писал, что Раевский нашёл его «в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада». Медик Е. П. Рудыковский, сопровождавший семью генерала и приведённый к молодому поэту, рассказывает, что они нашли его в гадкой избёнке на дощатом диване, небритого, бледного и худого. Через два дня, ещё не оправившись от болезни, Пушкин уехал с Раевскими на Кавказ.

1821 год, Кишинёв, 26 мая.

Редчайший случай – отмечено в дневнике Пушкина: «Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пушин, Алексеев и Пестель: потом был я в здешнем остроге».

1822 год, Кишинёв.

О 26 мая сведений нет; 27 мая Пушкин обедает у Инзова, где, по свидетельству современника, составляет душу собрания, шутит и рассказывает анекдоты, ведёт разговоры о политических переворотах в Европе. В тот же день получает от близкого друга своего, Николая Степановича Алексеева, подарок – большую, так называемую «масонскую» тетрадь и записывает на переплёте дату: «27 мая 1822 г. Кишинёв». В этой тетради Пушкин работал в 1822–1824 годах. Здесь планы «Бахчисарайского фонтана», строфы трёх первых глав «Евгения Онегина», наброски «Цыган», многие лирические стихотворения.

1823 год, Кишинёв.

О 26 мая сведений нет. Последняя весна в Бессарабии ознаменована работой над «Евгением Онегиным». Первый черновик датируется 9 мая, а переписанная рукопись начальных строф первой главы помечена Пушкиным: «28 мая ночью».

1824 год, Одесса.

День рождения Пушкин встречает в командировке – печально знаменитая поездка на саранчу. Поэт, очевидно, отметил своё двадцатипятилетие один или в кругу случайных попутчиков. Но что-то, вероятно, хотел запомнить и сделал лаконичную запись: «Май 26. Поездка, венгерское вино».

1825 год, Михайловское.

Первый день рождения в сельском изгнании и первый – с детских лет – в отчем доме. О 26 мая сведений нет.

1826 год.

Второй день рождения в Михайловском, но Пушкин снова не дома. «Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опочецком уезде», – пишет он Вяземскому 27 мая. Что делал Пушкин 26 мая, как отметил своё 27-летие, мы не знаем. Но можно полагать, что день этот не был радостным. Прошедший год – год разгрома восстания на Сенатской площади и ареста многих его друзей и единомышленников. «Мы живём в печальном веке...» – писал Пушкин в том же письме. В мае 1826 года он составляет прошение Николаю: «Здоровье моё... и род аневризма давно уже требует постоянного лечения... осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения уехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края».

1827 год, Петербург.

Свою 28 годовщину Пушкин встретил здесь. На поездку в Петербург пришлось испросить разрешения. Оно было дано, но какое оскорбительное для самолюбия Пушкина, для достоинства давно уже знаменитого, давно уже первого поэта России. «Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано». (А. Х. Бенкендорф – Пушкину, 3 мая 1827 года).

19 мая поэт выехал в Петербург, где поселился в гостинице Демута. «Он был тогда весел, но чего-то ему недоставало, – пишет в своих воспоминаниях А. П. Керн. – В год возвращения его из Михайловского свои именины праздновал он в доме родителей, в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности».

1828 год, Петербург.

25 мая, накануне своего 29-летия, Пушкин с несколькими друзьями совершил поездку в Кронштадт – на пироскафе (паровая машина, род парохода). «Туда поехали мы при благоприятной погоде, – писал П. А. Вяземский жене, – но на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась такая гроза, поднялся такой ветер, полил такой дождь, что любо. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка... Старик Оленин ссорится с англичанином... Оленин-сын выпивает портера и водки на одну персону на 21 рубль. Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь».

26 мая написано стихотворение – одно из самых горьких пушкинских признаний и единственное озаглавленное поэтом датой своего рождения: 26 мая 1828 г.

Дар напрасный, дар случайный.	Душу мне наполнил страстью,
Жизнь, зачем ты мне дана?	Ум сомненьем взволновал?
Иль зачем судьбою тайной	Цели нет передо мною,
Ты на казнь осуждена.	Сердце пусто, празден ум,
Кто меня враждебной властью	И томит меня тоскою
	Однозвучной жизни шум.

Из ничтожества воззвал,

1829 г. Душет

Свою 30-ую годовщину Пушкин встретил в пути. Оставив в Москве Наталью Гончарову, своё неудавшееся сватовство, неосуществлённые мечты о счастье, о семье, о своём доме, он уезжает на Кавказ, к театру военных действий.

26 мая Пушкин в Душете (на пути в Тифлис), где встречается с персидским поэтом и переводчиком Фазиль-

Ханом, в тот же день набрасывает обращённые к нему стихи «Благословен твой подвиг новый». Они остались незавершёнными.

Ещё в 1827 году, завершая 6 главу «Евгения Онегина», Пушкин писал:

Ужель и впрямь и в самом	И ей ужель возврата нет?
деле	Ужель мне скоро 30 лет?
Без элегических затей	Так, полдень мой настал, и
Весна моих промчалась	нужно
дней	Мне в том сознаться, вижу
(Что я шутя твердил	я.
доселе?)	

Об этом особенном отношении Пушкина к своему 30-летию рассказывает и К. А. Полевой: «Раз как-то я произнёс стих его, говоря о нём самом: «Ужель мне точно 30 лет?». Он тотчас возразил: «Нет, нет! У меня сказано: «Ужель мне скоро 30 лет?». Я жду этого рокового термина, а теперь ещё не прощаюсь с юностью». Надобно заметить, что до рокового термина оставалось несколько месяцев».

1830 год, Полотняный завод.

В мае Пушкин уже официальный жених. 1-го состоялась помолвка с Натальей Николаевной. Дни заполнены множеством различных хлопот – визитами, поздравлениями, улаживанием материальных дел. 20 мая Пушкин вместе с Натальей Николаевной едет к деду её, Афанасию Николаевичу Гончарову, в его калужское имение Полотняный завод, где встречает свой день рождения. 27 мая два калужских жителя приходят поздравить поэта. Пушкин дарит им свой автограф: «Александр Пушкин с чувством живейшей благодарности принимает знак лестного внимания почтенных своих соотечественников Ивана Фомича Антипина и Фаддея Ивановича Абакумова».

1831 год, Царское Село.

В середине мая поэт с женой покинули Москву. 25-ого, прожив неделю в Петербурге, Пушкины переезжают на дачу, в Царское Село. Первые дни проходят в устройстве, домашних хлопотах, тихо и уединённо. Ещё в начале июня Пушкин

сообщал друзьям: «Мы здесь живём тихо и весело, будто в глуши деревенской».

Можно думать, что и день рождения Пушкин провёл «тихо и весело», вдвоём с женой, впервые в своей семье.

А накануне, 25 мая, удивительный человек, милый московский друг Павел Воинович Нащокин, проводивший незадолго Пушкина, с тоской, почти с отчаянием думает о наступающей дате, которую они проведут не вместе: «Ты не можешь мне представить, какое худое влияние произвёл твой отъезд отсюда на меня... не стану говорить о привязанности моей к тебе... она без меры... Жить ты будешь счастливо, я в этом уверен – следственно говорить и желать тебе мне нечего, не забудь меня... Сидя в карете, я плакал».

1832 год, Петербург.

19 мая у Пушкина родился первый ребёнок – дочь Мария. Это событие, очевидно, оттеснило его день рождения. 26 мая Н. И. Гнедич гекзаметрическими стихами торжественно поздравляет Пушкина с новосельем и «счастьем отца тебе новым». О дне его рождения Гнедич не упоминает. На следующий день, 27 мая, Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему издание нескольких поэм В. Кюхельбекера, вот уже 6 лет томящегося в крепостях.

1834 год, Петербург.

Пушкин в Петербурге, один: Наталья Николаевна ещё в апреле уехала с детьми на Полотняный завод к брату и сёстрам. 10 мая датирована дневниковая запись Пушкина о том, что его письма вскрываются почтой. О том же взволнованно, с негодованием и возмущением пишет он жене – 16, 18, 29 мая. Тягостная весна, нерадостная годовщина. Но о ней мы знаем, может быть, больше, чем о других. «Сегодня день рождения Александра, – пишет 26 мая мать поэта. – Он едет в Кронштадт с Мещерскими, которые уезжают в Италию вместе с Софьей Карамзиной. Все друзья сопровождают их». В тот же день и о том же сообщает дочери и Сергей Львович Пушкин: «Александр провожает их до Кронштадта, и, таким образом, мы не

празднуем этой годовщины». Сам Пушкин несколько дней спустя шутливо сообщает жене: «Тётка (Е. И. Загряжская) меня всё балует – для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой и клубникой – так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни».

26 мая, снова в свой день рождения, Пушкин обращается к властям с просьбой «о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляры всех моих сочинений». Предположительно маем-июнем датируется стихотворение Пушкина «Пора, мой друг, пора!».

1835 год, Петербург.

День рождения Пушкина вряд ли отмечался, т.к. 14 мая Наталья Николаевна родила сына Григория и нескоро оправилась. В эти майские дни окончательно созревает решение Пушкина, к сожалению, не сбывшееся, порвать с Петербургом и переехать с семьёй в Михайловское.

1836 год, Петербург.

Последняя пушкинская весна. С 3 по 20 мая Пушкин в Москве. Он приехал по делам «Современника» и для работы в архиве. Но не спешит заниматься ни тем, ни другим. С нетерпеливой жадностью в этот последний приезд в Москву Пушкин стремится увидеться с людьми, с новыми и старыми друзьями, увидеться, насмотреться, наговориться. Он живёт у Нащокина, с которым, по собственному выражению, «забалтывается» от утра до обеда; в первый же день посещает художника К. П. Брюллова.

Очевидно, уезжая, Пушкин обещал жене возвратиться к 26 мая, т.е. ко дню своего дня рождения. Недавно стало известно письмо, в котором Наталья Николаевна просит брата поторопиться с присылкой следуемых ей денег, т.к. приближается день рождения её мужа и ей хотелось бы сделать ему подарок на свои деньги (апрель, 1836).

Пушкин возвратился 23 мая в полночь; за несколько часов перед этим Наталья Николаевна родила дочь Наталью. 26 мая

Пушкин посетил в гостинице Демута Н. А. Дурову, воспоминания которой печатал в своём журнале.

Вот и всё: 37 годовщин, 37 дней рождения!

Литература

Муза, Е. (Люкшинова В. Д.) Тридцать семь дней / Е. Муза (В. Д. Люкшинова) // Новомосковский пушкинист. – Вып. 17. – 2012. – С. 1–5.

По страницам Пушкинианы (Из книги «12 зеркал Пушкина»)

Книга О. Довгий, А. Махова «12 зеркал Пушкина» (М., INTRADA, 1999) посвящена теме «Поэт и астрология».

Пушкин родился под созвездием Близнецов. А такие люди обладают тягой к общению, любят дарить комплименты, но могут сказать и жёсткую правду. Они чувствуют, что не от мира сего, и могут за это в любой момент поплатиться. Близнецы живут в таком темпе, который для других знаков невыносим.

В детстве из Близнецов рядом с Пушкиным бабка Мария Алексеевна, дальний родственник Алексей Михайлович Пушкин, отец Сергей Львович, поэт К. Н. Батюшков.

В лицее Пушкин – единственный близнец. И нигде больше не будет так неоспоримо и любовно признаваться его Близнецовая неоспоримость.

Близнецы «из лагеря Дантеса» – Л. А. Соллогуб, П. А. Урусов – из желания поразвлечься участвовали в травле поэта. Близнецами-чиновниками, враждебно настроенными к Пушкину, были М. А. Воронцов, М. Д. Нессельроде.

На похоронах и у смертного одра поэта Близнецов не было: они не любят тесноты, духоты.

Близнецам вредны Рак, Рыбы, Козерог. К этим знакам принадлежали убийца Пушкина Жорж Карл Дантес-Геккерн, царь Николай I, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, журналист и издатель Ф. В. Булгарин, мать поэта Н. О. Пушкина.

Близнецы потребительски относятся к Деве. Близнецы Деве скорее вредны, чем полезны. Все заботы Дев – о земном Пушкине. Они не поняли, не почувствовали, когда Пушкину

стало на земле не по себе (В. Ф. Вяземская, Ю. Т. Строганова, Н. Н. Пушкина, А. А. Оленина, Е. К. Воронцова).

Наталье Николаевне с ним было гораздо хуже, труднее, чем ему с ней.

Для Весов Близнецы – духовные партнёры (Е. Н. Мещерская, П. А. Осипова, Долли Фикельмон, Е. М. Хитрово, М. Л. Яковлев).

Для Скорпиона Близнецы – знак смерти, для Близнецов Скорпион – знак здоровья (Н. И. Гончарова, В. И. Даль, Мария Фёдоровна – вдова Павла I, Е. Н. Вревская, М. П. Погодин).

Стрелец. Грубоват, обладает большой жизненной силой (З. А. Волконская, Л. Геккерн, Н. М. Карамзин, Е. А. Карамзина, П. В. Нащокин, К. Нессельроде, А. Н. Оленин).

Козерог. Около Пушкина более 100 Козерогов (Александр I, А. С. Грибоедов, А. В. Бобринская, М. Н. Волконская, А. Н. Вульф, П. В. Долгоруков). Козерогами были сестра поэта О. С. Павлищева, А. Г. Строганов, святитель Филарет, с которым Пушкин состоял в переписке.

М. Н. Волконская не любила своего мужа, дети были не от него. К Пушкину-поэту относилась снисходительно, любила, чтобы о ней говорили.

А. Н. Вульф любила Пушкина всю жизнь.

Долгоруков на одном из балов выставил Пушкина рогносцем: стоя позади него и подымая вверх пальцы, растопыривал их рогами.

П. А. Катенин считал, что Пушкин вывел его в образе Сальери. Катенин как Козерог не был в восторге от пушкинских произведений.

Филарет критиковал «Бориса Годунова» за строку «И стаи галок на крестах». Козерог выполнил свою высокую миссию: заставил беспорядочных Близнецов ужаснуться своей беспорядочности и возблагодарить Козерога за то, что направил на путь истинный.

Водолей – эмоционально холоден. Когда у Водолея есть Близнец, вся остальная Вселенная может подождать (бабушка

Ганнибал, Дантес). Вряд ли Дантес придал значение своему поступку (дуэли), как и любому другому. Сказали выстрелить – выстрелил, оказалось – попал.

Женщины-Водолеи надсексуальны. Пушкина к ним не тянет.

Водолеи были очень нужны Пушкину, все до единого: они своим обожанием помогали ему держаться высоко над земной суетой, а когда Близнецам эта земная суета окончательно надоела, именно Водолеи всё поняли правильно.

Поэтому, как считают авторы книги «12 зеркал Пушкина», «Дантеса не за что обвинять: он просто выполнил то, что от него хотели Близнецы, он блистательно сыграл отведённую ему роль в Близнецовом спектакле ухода из надоевшего мира. Жизнь становится «местом», где жить нельзя».

«Жоржу не в чем себя упрекнуть, – сообщал Геккерн его сестре 29 марта 1837 года. – Его противником был «безумец», которому просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир».

В выборе актёра Пушкин не ошибся: им должен был стать Водолей, обаятельный, дружный со всеми и равнодушный ко всем и ко всему, а в первую очередь, – к поступкам.

И Близнецы обладают механизмами воздействия на психику Водолея на тонком уровне, поэтому и не надо осуждать Дантеса за убийство Пушкина: кто же осуждает зомби? Близнец Пушкин сознательно шёл к своей смерти.

Водолей В. А. Жуковский часто оказывал Пушкину медвежьи услуги: он предложил Пушкину операцию по поводу аневризма, препятствовал отставке Пушкина в 1834 году, не понимал, что человек может задыхаться от внешнего мира. Близнецы задыхаются – Водолеи им в этом не верят.

Рыбы. В астрологии бытует афоризм: «Разговор Близнецов и Рыб – разговор двух интеллектов: Рыбы всё знают про Близнецов, и Близнецы это знают».

И Близнецы, и Рыбы – это фантазии, сны, вечное враньё (на самом деле вранья нет – просто оба эти знака живут в другой реальности, но при этом Близнецы – лёгкость воздуха, а Рыбы – тяжесть, застой всей толщи воды (или болота).

Воды глубокие

Люди премудрые

Тихо текут,

Тихо живут

В этом загадочном четверостишии Пушкин превосходно выразил сущность Рыбы, её образа жизни. Рыбы не понимают цинизма Близнецов. Рыбы – самый беспардонный вампир в зодиаке: не попадайтесь Рыбе в слушатели. Рыбы никогда не забывают, что именно они символ христианства, что её вторая половинка (Рыб в знаке две) всё равно поднимается вверх: «свята до разврата и развратна до святости». Рыба очень умна, образованна, но настолько занудна, что раздражает Близнецов уже самим своим существованием. От неё веет холодом подводных глубин. Но в то же время есть в этом холоде что-то притягательное, как притягателен «последний ключ - холодный ключ забвенья, Он слаще всех жар сердца утолит». Случайно ли, что это стихотворение написано в альбом Рыбе?

Отношения Пушкина с Рыбами тянутся годами (Е. В. Вельяшева, А. П. Керн, А. О. Смирнова). Все-то они фрейлины, все-то они прекрасны, и все они готовы на самый изощрённый разврат – но не с Пушкиным: для него они подчас так и остаются недоступными – в этом парадокс отношений Близнецов и Рыб. Однако трудно найти Рыбу, не воспетую Пушкиным.

Анна Керн – эта Рыба навеки около Пушкина. В 1819 году у Олениных поэт приглашает её в шутку в ад – стихию огня. Рыба сухо отказалась. В Тригорском, слушая пушкинских «Цыган», Керн ощущает столь манящие водные разливы, что немедленно в блаженстве туда погружается: «Я была в упоении как от текущих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения... он имел голос певучий, мелодичный, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»: «И голос, шуму вод подобный».

О чувственной влажной стихии Смирновой Н. М. Языков сказал: «Она просто сирена, плавающая в призрачных волнах

соблазна». Около Пушкина эта сирена постоянно плавала в «волнах соблазна» с 1828 по 1835 годы и, совершенно как Керн, сладострастно подмечала все соприкосновения поэта с «волнами» водной стихии: «Пушкин каждое утро ходил купаться, потом днями лежит с мокрыми курчавыми волосами», и ещё раз заметит: «Волосы его обыкновенно были мокры после утренней ванны и вились на висках». Пушкин почувствовал её внутренний холод: «Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете». Образ глупой жены Пушкина, якобы сказавшей однажды поэту: «До чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» – её, Смирновой, творение.

Близнецы в глубине души не любят Рыбу, и она это прекрасно знает: Рыбу не обманешь ни стихами, ни похвалами её уму и образованности, она всё прекрасно понимает. Это не помешало Смирновой безотлучно находиться при Пушкине, питаясь его энергией. А во время преддвуэльной истории она оказывается за границей.

Всё выстраданное Близнецами понимание сущности Рыбы Пушкин выразил в «Сказке о рыбаке и рыбке»: поманила рыбка старика миражами, иллюзиями, а когда старый дурак в их реальность поверил, «лишь хвостом по воде плеснула и ушла в глубокое море...» (Е. Бакунина, Е. Вельяшева, М. Голицына – внучка Суворова).

Овен. Близнецам и Овнам хорошо вместе делать какое-нибудь реальное дело (Н. В. Гоголь). Пушкин мог себе позволить зайти к Гоголю и рыться у него в бумагах: не написал ли он чего нового? Но к себе слишком близко Гоголя не подпускал. Как говорил П. В. Нащокин, «Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину».

Овны – Е. И. Загряжская, А. И. Тургенев, В. Н. Ушакова.

Телец. Только с ним Близнецы могут позволить себе расслабиться, а то и всплакнуть. Телец заботится о земном устройстве Близнецов, снисходителен к их непрактичности (Арина Родионовна, Е. Н. Гончарова, Е. Н. Орлова, В. Л. Пушкин, И. И. Пущин, А. С. Хомяков).

Итак, мы увидели А. С. Пушкина в «зеркала» 12 зодиакальных знаков.

О смерти поэта С. Н. Карамзина сказала: «Светило угасло во всё своём блеске».

Софья Николаевна оказалась причастной вместе с М. С. Луниным и В. Ф. Одоевским к созданию солярного (солнечного) образа Пушкина – неотъемлемой части пушкинской астрологии.

Литература

Люкшинова, В. Д. По страницам Пушкинианы : (Из книги «12 зеркал Пушкина» / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 17. – 2012. – С. 6–8.

Пушкин и Тульский край

Пушкин связан многими нитями с тульской землей. Туляки, также как и люди, живущие в других местах России, любят его творчество, находят в нем ответ на многие вопросы жизни.

В Туле чтут память знаменитого русского поэта. В 1899 году в Туле в честь столетия со дня рождения поэта в большом городском сквере на центральной улице Киевской (ныне проспект Ленина) на средства населения был установлен памятник – бюст поэта на мраморном постаменте.

В Туле жила старшая дочь Пушкина Мария Александровна Гартунг (1832–1919), черты которой Лев Николаевич Толстой отобразил в портрете Анны Карениной. В селе Малое Останкино в последние годы жизни отдыхал каждое лето старший сын поэта Александр Александрович (1833–1914), погребенный сначала в селе Марьгине, а затем перезахороненный, согласно завещанию, в семейном склепе Пушкиных в городе Лопасне (город Чехов).

Бывал на тульщине и Александр Сергеевич. В 1829–1830 годах он неоднократно приезжал в Тарусский уезд на Полотняный завод – родовое имение жены.

Его дед, морской артиллерии капитан второго ранга Осип Абрамович Ганнибал (1744–1806) в марте 1773 года инспектировал тульские заводы Баташова.

В Тульской губернии жил и один из прототипов героя повести «Дубровский» помещик Измайлов. С него писал Пушкин русского барина Кириллу Петровича Троекурова.

Измайлов был владельцем села Хитровщина, что сегодня входит в состав Кимовского района.

В апреле 1860 года старшая дочь Александра Сергеевича Пушкина Мария стала женой поручика лейб-гвардии полка конного Леонида Николаевича Гартунга, вместе с ним приехала в Тулу.

В 1864 году Гартунг получил чин полковника. В это время он возглавлял коннозаводской округ в Тульской губернии. Ему принадлежало сельцо Федяшево под Тулой, которым ранее владел его отец. Здесь и поселились Гартунги.

Затем, после смерти Гартунга, Мария Александровна продала дом дочери известного поэта, мыслителя, славянофила А. С. Хомякова – О. А. Челищевой. Здесь бывал Шаляпин, в соседнем имении Энгельгардтов гостили академик Вернадский, ботаник Чернов, у Макаровых бывал Салтыков-Щедрин, в соседнем Бушове у Стрекаловых – Лев Николаевич Толстой.

Связаны с тульским краем и друзья Пушкина по лицу. Среди лицейских друзей Пушкина был и туляк Павел Мясоедов.

Род Мясоедовых известен в тульском крае с XVI века. Отцом лицеиста был Николай Ефимович Мясоедов, статский советник, сенатор, московский губернатор, а затем директор главной соляной конторы.

Ему принадлежали имения в Чернском уезде в селах Ново-Никольском и Раеве, а его родственникам родовое имение Мясоедово, недалеко от Ясной Поляны.

В 1811 году отец определил 12-летнего Павла в новое учебное заведение – Царкосельский лицей.

По воспоминаниям товарищей, Павел Мясоедов не отличался способностями к учебе, но был добрым и безобидным

подростком. Эти качества характера сделали его, как и Кюхельбеккера, объектом постоянных шуток. Началось с того, что Мясоедов за свой завидный аппетит получил прозвище Мясожоров (прозвище имели все лицеисты: Пушкин – француз, Егоза; Данзас – Медведь, Пушин – Большой Жанно, Кюхельбеккер – Кюхля).

С именем Мясоедова связано немало комических эпизодов лицейской жизни. Так, однажды лицеисты получили от профессора словесности Кошанского задание описать в стихах восход солнца. Мясоедов, не обладая поэтическим даром, списал текст у одной поэтессы, слегка переделав его:

Блеснул на западе румяный царь природы.

Услышав, что солнце восходит у Мясоедова на западе, Пушкин тут же придумал к его стихам окончание:

Блеснул на западе румяный царь природы,

И изумленные народы не знают, что начать:

Ложиться спать или вставать.

Успехи Мясоедова в учебе были далеко не блестящи. Он прочно занимал последнее 29-ое место в списке лицеистов по их успехам в науке. Впрочем, Александр Пушкин занимал место не намного выше – 26-ое. Правда, сами лицеисты относились к этим спискам иронически и отвергали их решительно:

Этот список суши бредни,

Кто тут первый, кто последний,

Все нули, все нули...

Ай, люли, люли, люли...

При выпуске из лицея 9 июня 1817 года Мясоедов был направлен прапорщиком в армию. Мечта его осуществилась. Он стал гусарским офицером. Однако прослужил недолго. В 1823 году он вышел в отставку и поселился в деревне под Тулой. В этом же году женился на Надежде Мансуровой, побочной дочери богатого помещика, и имел, как писали его друзья, «пропасть детей» (на 1840 год их было 7).

Важный эпизод в его жизни связан с празднованием 25-летия Лицея в октябре 1836 года. В организации этого юбилея Мясоедов сыграл едва ли не главную роль. Он приехал с женой в Петербург заранее, чтоб собрать на праздник товарищей.

Разыскал и Пушкина, о чем свидетельствует письмо поэта от 14 октября 1836 года, в котором он писал: «Завтра, вероятно, мы увидимся у Мясоедова...».

На празднование юбилея собрались 19 октября 1836 года. У старосты Яковлева находился дневник лицейских встреч. В тот день запись в нем сделана рукой Пушкина: «Праздновали 25-летие лица: П. Юдин, П. Мясоедов, П. Гревениц, М. Яковлев, Мартынов, Модест Корф, А. Пушкин, А. Иллический, Ф. Стевен, К. Данзас (стоят подписи всех присутствующих).

Собрались вышеуказанные господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом: 1) обедали вкусно и шумно, 2) выпили три здравия /по-заморскому, –

- а) за 25-летие Лицея
- б) за благоденствие Лицея
- с) за здоровье отсутствующих

3) читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбеккером к одному из товарищей.

4) читали старинные протоколы, песни и прочие бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева.

5) поминали лицейскую старину.

Далее записи сделаны рукой Яковлева.

6) пели национальные песни

7) Пушкин начинал читать стихи на 25-летие Лицея.

Примечание: собрались все в половине 5-ого часа, разошлись в половине 10-ого...»

В тот вечер Пушкин читал свое последнее лирическое стихотворение. После четверостишия:

Всему пора: уж 25-й раз
Мы празднуем лица день заветный,
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!

Пушкин неожиданно прервал чтение. Яковлев вспоминал: «Слезы полились из его глаз, и он не мог продолжать чтение». Через 16 дней началась история с Дантесом, а через 102 дня Пушкина не стало.

В 1850 году Мясоедов продолжал жить в Тульской губернии. В конце жизни он переехал в Петербург и умер там 3 ноября 1868 года. Могила его на Смоленском кладбище не сохранилась.

Сведения о встрече лицейстов в Туле ограничиваются первой половиной 1829 года. В сентябре 1829 года, возвращаясь с Кавказа, в Туле останавливался Пушкин.

В Туле жили внучатые племянницы поэта сестры Нина Борисовна Нейкирх (1903–1994 – ред.) и Мария Борисовна Нейкирх (1901–1992 – ред.), внучки дочери родного брата Льва Сергеевича Пушкина Марии Львовны, бывшей замужем за приказчиком одного из родовых имений Пушкина Иваном Нейкирхом.

В тульском крае жил старший сын поэта Александр Пушкин. Здесь он умер в чине генерал-майора в селе Останкино нынешнего Веневского района, первоначально был похоронен в селе Марыгино. В 1963 году по просьбе потомков и во исполнение завещания покойного его прах был перенесен в семейный склеп Пушкиных в Лопасне (Чехов).

Родился он 6 июля 1833 года, в 1851 году с отличием окончил Пажеский корпус, служил в конногвардейском полку. В 1870 году назначен командиром 13 Нарвского полка, в боевую летопись которого вписано немало подвигов. Историк этого полка, упоминая о Пушкине, пишет о нем, как об «идеале командира».

Сын великого поэта был прогрессивно настроенным офицером, продолжателем традиций Суворова и Кутузова, относился к солдатам с уважением и проявлял о них поистине отеческую заботу. Он отличался простотой и скромностью. Полк, которым командовал А. А. Пушкин, в Балканской кампании входил в состав передового Рушукского отряда генерала Столетова. Перед отрядом была поставлена задача: задержать наступление сотысячной армии турок. Предстояло перекрыть дорогу на город Сливно, по которой двигались турецкие войска. В этой операции гусары Нарвского полка

проявили особенное мужество и стойкость, а их командир – находчивость и воинское умение.

За храбрость, отвагу и мужество он был награжден золотым оружием и орденом Владимира четвертой степени.

В Чернском районе на реке Снежедь находилось имение родителей ближайшего друга поэта Антона Дельвига.

Таковы связи великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина с Тульским краем.

Литература

1. Милонов, Н. А. Русские писатели и Тульский край : очерки по литературному краеведению / Н. А. Милонов. – Тула : Приокское кн. изд-во, 1971. – 574 с.

2. Ермолаев, Д. Боевой командир, сын поэта / Д. Ермолаев // Молодой коммунар. – 1983. – 2 июля.

3. Пилипенко, В. Мария Гартунг жила в Федяшеве / В. Пилипенко // Пилипенко, В. Прилепы? Нет, Федяшево! / В. Пилипенко // Коммунар. – 1990. – 12 авг.

«Тесный круг друзей моих»

«Друзья мои, прекрасен наш союз...»

Друзья мои, прекрасен наш союз!	Куда бы нас ни бросила судьбина,
Он как душа неразделим и вечен -	И счастье куда б ни повело,
Неколебим, свободен и беспечен	Всё те же мы: нам целый мир чужбина,
Срастался он под сенью дружных муз.	Отечество нам Царское Село.

Так писал в 1825 году Александр Сергеевич Пушкин, вспоминая лучшие годы своей юности.

А начиналось всё 19 октября 1811 года, когда в Царском Селе близ Петербурга 30 мальчиков сели за парты и стали одноклассниками. 30 мальчишек: все они прожили около 1,5 тысяч лет! В том числе неполных 30 – пушкинских: менее 1 процента.

Эти 38 пушкинских лет основа истории 1,5 тысяч лицейских «человеко-лет». Но как и без них, без остальных,

развился бы нелучший ученик в первейшего поэта? Без их дружбы, разве Пушкин стал бы Пушкиным? Без их шуток, похвал, насмешек, писем, помощи, памяти? А они – без него, без его мыслей, строчек, весёлости, грусти, без того бессмертия, которым он так щедро с ними поделился?

Лицей был заведением совершенно на западный лад: здесь получали иностранные журналы для воспитанников, которые в играх своих устраивали между собой палаты, спорили, говорили речи, вообще свободы было очень много. Здесь изучались логика, психология, право, археология, статистика, философия, политэкономия и финансы, риторика и поэтика, изящные искусства, закон божий, математика, физика, латинский, французский, немецкий языки.

Занятия были напряжёнными. Об этом говорит расписание.

Расписание

6.00 – подъём по звонку

7.00–9.00 – класс, то есть учебные занятия

До 10.00 – первая прогулка

С 10.00–12.00 – класс

12.00–13.00 – вторая прогулка

13.00 – обед из трёх блюд

14.00–15.00 – чистописанье, рисование

От 15 до 17.00 – класс

В 17.00 – чай

До 18.00 – третья прогулка

Потом повторение уроков или «вспомогательный класс», то есть домашние задания для отстававших.

По средам и субботам – вечернее «танцеванье» или «фехтованье».

Каждая суббота – баня.

В 20.30 – звонок к ужину, после ужина до 22.00 – отдых развлечения, спортивные упражнения.

В 22.00 – вечерняя молитва, сон.

Пушкин не был отличником. Вот что о нём говорили его учителя и воспитатели.

В. Ф. Малиновский (первый директор лицея): «Ветрен и легкомыслен, искусен в французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстаёт».

«Александр Пушкин более имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса к изящному, нежели прилежания к основательному, почему малое затруднение может остановить его, но не удержать: ибо он возбуждаемый соревнованием с чувством собственной пользы, желает сравниться с первыми питомцами. Успехи его в латинском хорошие, в русском не столько тверды, сколько блистательны». (профессор Кошанский).

«Александр Пушкин. Легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии». (Чириков, гувернёр лицея).

Пушкин говорил о том, что даже видел стихи во сне. Раз ему приснилось двести стихов, из которого потом родилось стихотворение «Лицинию». Всего же в Лицее поэт написал 132 стихотворения: «Пробуждение», «Друзьям», «Гроб Анакреона», «Певец», «Амур и Гименей», «Разлука», «Шишкову», «Дельвигу» и другие.

На переводном – с младшего на старший курс – лицейском экзамене в январе 1815 года он читает стихотворение «Воспоминание в Царском Селе», которое приносит ему признание и вызывает слёзы у Державина, увидевшего в нём своего преемника в поэзии.

Стихи в лицее писали многие. Это не удивительно. В Лицее выходило много рукописных журналов. В 1815 году появляется первый выпуск «Лицейского мудреца». Это была книжка в красном сафьяновом переплёте. Страницы были переписаны аккуратной рукой лицеиста Данзаса, который по успехам был на последнем месте, но зато отличался превосходным почерком. Он так и написал в заглавии:

«Печатано в типографии Данзаса (стихи, проза, отклики на лицейские события).

У лицеистов были шуточные прозвища: князь Александр Горчаков – франт, будущий секундант на последней пушкинской дуэли – Константин Данзас – медведь, Антон Дельвиг – Тося, Алексей Илличевский – Олосенька, Сергей Комовский – Лисичка, Смола; Модест Корф – Мордан, Дьячок; Вильгельм Кюхельбеккер – Кюхля, Иван Малиновский – казак, Фёдор Матюшкин – плыть хочется, Пушкин – Француз, Егоза; Иван Пущин – Жанно, Фёдор Стевен – швед, Михаил Яковлев – Паяс, за гримасничанье. Лицеисты называли друг друга скотобратцами. А появилось это слово в лицейском обиходе так.

Пушкин заболел горячкой. В лицейском госпитале читал друзьям поэму «Пирующие студенты». Все развеселились.

– Да ну вас совсем, братцы, – сказал Кюхля, еле отдышавшись, – вы не студенты, а форменные скоты. С тех пор лицейские стали называть друг друга «скотобратцами». Так шуточно они называли друг друга, встречаясь позже на лицейских годовщинах.

Лицеисты не только учились, выпускали рукописные журналы, частенько у Данзаса в номере 29 устраивались дружеские пирушки, регулярно проводились лицейские балы, на которые приглашались родственники лицеистов.

Многие из них были влюблены в сестру Бакунина, в том числе и Александр Пушкин. Но она отвергла его ухаживания и вернула нераспечатанным его письмо.

В лицейские годы Пушкин пишет много стихотворений о дружбе и любви: стихотворение «Мечта! В волшебной сени», «Желание».

Мечта! В волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющий огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег её лица,

Представь, что на коленях
Покоюсь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на уста,
Горит лицо прекрасной,
И слёзы на глазах!

(Пушкину — 16 лет)

Желание

Я слёзы лью; мне слёзы
утешенье;
И я молчу; не слышен
ропот мой;
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит
наслажденье.

О жизни сон! Лети, не жаль
тебя,
Исчезни в тьме, пустое
привиденье;
Мне дорого любви моей
мученье,
Пускай умру, но пусть
умру любя!

1816 год

630 раз в художественных произведениях и письмах Пушкина встречается слово «любовь», сотни раз «любить», «любимый», «влюбиться».

Но не только о любви пишет юный Пушкин. Вот отрывок из поэтического письма дяде тоже поэту Василию Львовичу Пушкину:

Христос воскрес, питомец
Феба!
Дай Бог, чтоб милостию
неба

Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей
вселенной
Воскресли мир и тишина.

Рассудок на Руси воскрес;

Эти строки 17-летнего Пушкина верны на все времена.

Быстро пролетели 6 весёлых и наполненных дружбой и творчеством лет. Приближался час разлуки.

Разлука

В последний раз, в сени
уединенья,
Моим стихам внимает наш
пенат.
Лицейской жизни милый
брат,
Делю с тобой последние
мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный
круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!

Узнай любовь, неведомую
мне,
Любовь надежд, восторгов,
упоенья:
И дни твои полётом
сновиденья
Да пролетят в счастливой
тишине!
Прости! Где б ни был я: в
огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах
родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба
мои молитвы?)

Пусть будут счастливы все,
все твои друзья.

1817 год

С 15 по 31 мая 1817 года в Лицее шли экзамены первого выпуска. 9 июня 1817 года Пушкин получит Документ: «Воспитанник Императорского Царскосельского Лицея Александр Пушкин.

В течение 6-летнего курса обучался в сём заведении и оказал успехи: В Законе Божиим в Логике и нравственной философии. В Праве Естественном, Частном и Публичном, в Российском или Гражданском и Уголовном праве — хорошие; в латинской словесности, в Государственной экономии и Финансов весьма хорошие; в Российской и Французской словесности также в фехтовании превосходные, сверх того занимался Историєю, Географиєю, Статистикою, Математикою и Немецким языком.

В уверение чего и дано ему от Конференции Императорского Царскосельского Лицея сие свидетельство с приложением печати.

Царское Село

Июня 9 дня 1817 года.

Директор Лицея Егор Энгельгардт

Конференц-секретарь профессор Александр Куницын»

Была пропета песня на стихи Дельвига (исполняется песня лицейстов, ставшая затем гимном Лицея):

Шесть лет промчалось, как мечтанье,	Простимся, братья! Руку в руку!
В объятьях сладкой тишины,	Обнимемся в последний раз!
И уж отчества признание Гремит нам: «Шествуйте, сыны!»	Судьба на вечную разлуку, Быть может, породила нас!

Директор Лицея раздал окончившим чугунные кольца — знак вечной и доброй памяти о Лицее.

Но лучшей памятью Лицею стали стихи его гениального воспитанника. Традиция праздновать день Лицея сохранялось свято всеми его выпускниками.

11 июня 1817 года Пушкин покинул Лицей.

21 октября 1817 года праздновали лицейскую годовщину в Царском Селе.

19 октября 1818 года — у Пушкина, присутствовало 14 человек.

19 октября 1820 года — Пушкин с Раевскими в Гурзуфе.

19 октября 1824 года — у Вальховского, Яковлева, Стевена.

19 октября 1825 года – на квартире Яковлева, Пушкин в Михайловском.

1826 год – в Петербурге.

1827 год – в Петербурге, серебряная дружба.

19 октября 1828 года – на квартире А. Д. Тыркова собрались 8 «скотобратцев» (Дельвиг, Илличевский, Яковлев, Корф, Стевен, Тырков, Комовский, Пушкин).

19 октября 1832 года – встреча в Петербурге.

19 октября 1836 года – Пушкин был на встрече в Петербурге, читал стихи, заплакал, не дочитав.

Золотая дружба. Пушкин погиб 10 февраля 1837 года.

25-летие Лицея праздновали на квартире Яковлева (было из 23 человек 11).

19 октября 1877 года – 60-летие первого лицейского выпуска, телеграмму Горчакову от имени первых 7 курсов подписал Сергей Комовский.

28 февраля 1883 года на 86-ом году жизни скончался А. М. Горчаков, на 46 переживший Пушкина. Он оказался тем человеком, о котором в 1825 году написал Пушкин:

Невидимо склоняясь и Кому ж из нас под старость
хладея, день Лицея
Мы близимся к началу Торжествовать придётся
своему... одному?

На полувековой юбилей Царскосельского Лицея поэт XIX века лицеист Владимир Зотов написал стихи:

И теперь рука с рукою, В братстве жить до поздних
Все, при звуках братских дней,
чаш, Помня имя лицеиста
Повторим семьёй родною И любя родной лицей!...
Мы обет лицейский наш; (1861 год).
Век в союзе дружбы
чистой,

Литература

1. Пушкин в воспоминаниях современников / под. ред. Н. Л. Бродского, Ф. В. Гладкова, Ф. М. Головенченко, Н. К. Гудзия. – Ленинград : Гос. изд-во худож. лит., 1950. – (Серия литературных мемуаров).

2. Эйдельман, Н. Я. «Прекрасен наш союз...» / Н. Я. Эйдельман ; худож. Ю. Иванов. – 2-е изд. – Москва : Мол. гвардия, 1982. – 239 с.

«Я помню чудное мгновенье...»

Сценарий литературной композиции

Ведущий:

Мир, мир тебе, о тень
поэта,
Мир светлый праху твоему!
Назло людскому
суесловью,
Велик и свят был жребий
твой!

Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах,
знойной кровью.
Фёдор Тютчев «21 января
1837 г.»

Ведущий:

Я видел блеск свечей,
Я слышал скрипок вой,
Но мысль была чужда
напевам бестолковым,

И тень забытая носилась
предо мной
В своём величии суровом.
Алексей Апухтин «19
октября 1858 г.»

Ведущий:

Благословенная тень поэта носилась и над кружком женщин, собиравшихся у его гроба. Вот как вспоминает об этом племянница одной из участниц этих «гробовых бдений» Мария Каменская: «Тело Пушкина до дня похорон поставили в склеп Конюшенной церкви, и там поклонения продолжались. А дамы так даже ночевали в склепе, и самой яркой из них оказалась тётушка моя Аграфена Фёдоровна Закревская, сидя около гроба в мягком кресле и обливаясь горячими слезами, она знакомила ночевавших с ней в склепе барынь с особенными чертами характера дорогого ей человека».

Ведущий:

«Сегодня наша фантазия собрала вокруг воображаемого гроба Пушкина нескольких женщин, которые знали и любили поэта. Борис Иванович Бурсов писал: «Поразительна, я бы даже сказал, умопомрачительна компромиссность Пушкина в таком чувстве, как любовь, то есть в самом высшем из человеческих чувств».

Но это, в чём нет ни малейшего сомненья, следствие того, что для него на первом месте – его собственное, а не ответное чувство, именно в нём источник его поэзии».

Ведущий:

«Но ведь не только Пушкин помнил его, помнили и те женщины, с которыми сталкивала его судьба.

Послушаем их рассказы, рассказы «при гробе» поэта об их чудных мгновеньях, связанных с именем «Пушкин». Итак. Одна из ночей трагического января 1837 года. Пушкина уже нет, они – его музы-вдохновительницы – ещё живы.

Екатерина Бакунина:

«Я встретила Пушкина зимой 1815 года в Царском Селе. Он учился тогда в Лицее вместе с моим братом, Александром Бакуниным. Пушкин тогда был ещё совсем мальчиком, и мне было немножко смешно наблюдать его томительную влюблённость, которая продолжалась всю зиму, весну и лето 1816 года. Мне он посвятил стихотворения «К живописцу», «Итак я счастлив был», «О, милая, повсюду ты со мною».

Он не раз впадал в отчаянье, потому что я не дала ему никаких надежд. Пушкин (ученик) читает «Всё кончилось, одну печаль я вижу».

«Он ревновал меня, ведь я была при дворе со всеми его соблазнами. Пушкина убивала мысль о неизвестном счастливце, удостоенном моего внимания. Он даже сравнивал себя с ним:

Пускай она прославится другим!

Один люблю, – он любит и любим!

Но я не любила Александра Сергеевича. Постепенно прошла и его увлечённость. Остались грусть и воспоминания о прошлом.

Пушкин (ученик) читает: «Пройдёт любовь, уйдут желанья...»

Екатерина Бакунина: «Увы, наши жизненные пути разошлись».

Мария Раевская (ученица):

«А я знала уже другого Пушкина, более взрослого, хотя и сохранившего былой романтизм. Он путешествовал с нашей семьёй по Кавказу и Крыму. «В качестве поэта, он считал своим долгом быть влюблённым во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, которых встречал.

Я помню, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой.

Увидя море, мы приказали остановиться. И вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю любоваться им.

Оно было покрыто волнами и, не подозревая, что поэт шёл за нами, я стала, для забавы, бегать за волной и вновь убежать от неё, когда у меня вымокли ноги, я это конечно скрыла и вернулась в карету.

Пушкин нашёл эту картину такой красивой, что воспел её в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость: мне было только 15 лет».

Пушкин (ученик) читает: «Как я завидовал волнам».

Мария Раевская: «А сущности, он любил лишь свою музу и облекал в поэзию всё, что видел».

Елизавета Ксаверьевна Воронцова: «Может, вы и правы. Именно такого Пушкина увидела я летом 1823 года в Одессе. Он часто появлялся в нашей гостиной. Но только в декабре признался он мне в чувствах своих. Мы встречались редко, украдкой. Мой муж, Михаил Семёнович Воронцов, был страшно ревнив, хотя сам и не хранил мне верности. Пушкин метался между любовью и ревностью».

Пушкин (ученик) читает: «Простишь ли мне ревнивые мечты».

Елизавета Воронцова: «А летней ночью 1824 года мы тайно встретились в нашем саду, чтобы проститься. Александр Сергеевич получил предписание покинуть Одессу. Я подарила ему на прощание перстень – талисман, который должен был охранять его от несчастий».

Пушкин (ученик) читает: «Храни меня, мой талисман».

Елизавета Воронцова: «Уже живя в Михайловском, он получал от меня письма, которые уничтожал, по моей просьбе, после прочтения. Я боялась».

Пушкин (ученик) читает: «Сожжённое письмо».

Елизавета Воронцова: «Шли годы, уже без Пушкина. В моей жизни были и другие увлечения, но ничего похожего на отношения с Александром Сергеевичем не повторилось. И вот страшная весть, не помог, видно, мой талисман, не спас его разудалую головушку».

Анна Петровна Керн: «Сударыни, ну что мы всё о грустном. А я помню Пушкина 1825 года, когда жил он в Михайловском. Впервые же увидела я его в Петербурге в 1819 году в салоне Олениных, моих родственников и, признаться, не заметила его.

А в середине лета 1825 года я приехала к своей тётке Прасковье Александровне Осиповой в Тригорское. Мне шёл тогда 27-ой год. С июня 1825 года мы виделись с ним почти каждый день.

«Однажды явился он в Тригорское со своей большой чёрной книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что принёс её для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган».

Пушкин (ученик) читает отрывок из «Цыган».

Анна Керн: «Впервые мы слушали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу. Я была в упоении, как от текущих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаевала от наслаждения». А через несколько дней, 18 июля, все поехали в Михайловское. «Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тётушка с сыном – в одном, сестра Анна Николаевна Вульф, Пушкин и я – в другом.

Ни прежде, ни после я не видела его так добродушно весёлым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый запущенный сад, приют задумчивых дриад, длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника – вздрагивать...

Подробностей разговора нашего я не помню, он вспоминал нашу первую прогулку у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал:

«На другой день я должен был уехать в Ригу вместе с сестрою – Анной Николаевной Вульф.

Пантомима: (Он – Пушкин – пришёл утром и на прощание принёс мне 11 главу «Онегина» в неразрезанных листках, между которыми я нашла вчетверо сложенный лист бумаги с стихами «Я помню чудное мгновенье»). Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать, насилу выпросила я их опять; что у него мелькнуло тогда в голове – не знаю».

Пушкин (ученик) читает «Я помню чудное мгновенье»

Екатерина Ушакова: «Я встретила с Пушкиным в Москве в 1828 году. В это время он был уже далеко не юноша, он был худощавый, с резкими морщинами на лице, которое выражало угрюмость, когда оно не улыбалось. Это было время, когда поэт упорно искал невесту: молоденькую барышню из хорошего московского общества, красивую, интересную, превосходно воспитанную.

Сватался он к Софье Пушкиной, Аннет Олениной, но безуспешно. Между этими романами и состоялось наше знакомство. Пылкой любви между нами не было, но нас связывала обоюдная симпатия. Пушкин подарил мне вот этот браслет. А в альбом моей старшей сестры Елизаветы вписал знаменитый донжуанский список, в котором все мы с вами и значимся. В мае 1827 года Пушкин внезапно уехал в Петербург. Я узнала о его ухаживаниях за Олениной и его фиаско.

В конце года он вернулся в Москву и снова принялся ухаживать за мной, но я была уже помолвлена. Представьте такой диалог:

– С чем же я-то остался? – вскрикивает Пушкин.

– С оленьими рогами, – не без тайного удовольствия ответила я.

Аграфена Закревская:

«Угадайте, кому посвящены эти строки:

Пушкин (ученик) читает: «С своей пылающей душой»

Аграфена Закревская: «Вот как сказал обо мне Пушкин! Ах какой же он был милый, когда летом 1828 года сделался поверенным моих тайн. Ему понравился мой облик, «такой порывистый и страстный». А Вяземскому, который звал меня медной Венерой, такой шутник, Пушкин писал в это время: «Если б не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер, но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи».

Пушкин (ученик) читает: «Твоих признаний, жалоб нежных».

Аграфена Закревская: «И не только это – моё, послушайте только».

Пушкин (ученик) читает: «Счастлив, кто избран своенравно».

«Когда твои молодые лета

Позорит шумная толпа».

Аграфена Закревская: «Да что стихи, ещё недавно в гостях у Соловых он, ревнуя меня за то, что я занималась с кем-то более, чем с ним, – разозлился на меня и впустил мне в руку свои длинные ногти почти так глубоко, что показалась кровь. Вот посмотрите, здесь повыше кисти ещё видны следы глубоких царапин. (Все смотрят).

Каменская: «Тётка Аграфена Фёдоровна, рассказывая всё это во время бессонных ночей в склепе, не сфантазировала ни слова, а говорила только всю правду».

Ведущий:

«Всю правду говорили и другие, кого наша фантазия привела к гробу поэта в те трагические дни».

«По-разному сложилась жизнь этих женщин, так или иначе связанных с именем Пушкина. Екатерина Бакунина вышла замуж, жила в Тамбовской губернии, воспитывая детей, она и её потомки бережно хранили всё, что было связано с памятью о поэте».

Ведущий:

«Мария Ржевская стала Волконской и большую часть жизни провела с мужем-декабристом в Сибири, вернулась после амнистии 1856 года в Каменку, где когда-то бывал и Пушкин. Здесь она и умерла».

«Елизавета Ксаверьевна Воронцова прожила долгую жизнь, читая и перечитывая тома собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина. А когда уже не могла читать сама, читали Пушкина вслух, по её просьбе, другие».

«Анна Петровна Керн через 5 лет после гибели поэта вновь вышла замуж за своего родственника, который был на 22 года моложе её. Они вместе вспоминали о необыкновенном прошлом Анны Петровны, о тех интересных людях, которых она встречала в свои молодые годы.

Связку пушкинских писем Анна Петровна носила всегда с собой. И только крайняя нужда в последние годы жизни заставила её продать эти бесценные реликвии. В 1879 году она потеряла мужа. Она пережила его на 4 месяца. В весеннюю распутицу гроб её не смогли довести до бакунинского Прямухина, где был похоронен её муж, её прах покоится на маленьком погосте Прутня, близ Торжка. Тогда же родилась легенда о встрече гроба Керн с памятником Пушкину, который везли в Москву. Могилу Керн украшают бессмертные пушкинские строки:

Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты,

Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Ведущий:

«Екатерина Ушакова стала госпожой Наумовой. Её муж сильно ревновал её к девичьему её прошлому, он уничтожил браслет, подаренный ей Пушкиным, сжёг все её альбомы, где были и автографы поэта».

«Но как бы ни сложилась жизнь этих женщин, мы уверены, что вспоминая всё, что связывало их с именем гениального поэта, каждая из них могла повторить бессмертную пушкинскую строку, посвящённую одной из них

Из стран, откуда нет
возврата.

Через года он бросил мост,

И если в нём признаем
брата,
Он не обидится: он – прост
И он живой. Живая шутка
Живит арапские уста,
И смех, и звон, и прибаутка
Влекут в бывалые места.

Так полон голос милой
жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в
печальной тризне
Дыханье светлых именин.

«И пальцы просятся к перу, перо к бумаге...»

Пушкин и философия: введение в тему

Он жив! у всех душа
нетленна,
Но он особенно живёт!
Благоговейно и блаженно
Вкушаем вечной жизни мёд.
Пленительны и
полнозвучны,
Текут родимые слова...
Как наши выдумки
докучны,
И новизна как не нова!
Но в совершенства хладный
камень
Его черты нельзя замкнуть:
Бежит, горя, летучий
пламень,
Взволнованно вздымая
грудь.
Он жрец, и он веселый
малый,

Пророк и страстный
человек,
Но в смене чувства
небывалой
К одной черте направлен
бег.
Москва и лик Петра
победный,
Деревня, Моцарт и Жуан,
И мрачный Германн,
Всадник Медный,
И наше солнце, наш туман!
Романтик, классик, старый,
новый.
Он – Пушкин, и бессмертен
он!
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон?..
М. Кузмин

«Кто такой Пушкин во всём его разнообразии? Реалист? Романтик? Лирик? Исторический писатель? Сказочник и фольклорист? Критик и литературовед? Бытописатель и социолог?

Он – всё это и ещё многое другое, но всё это поэзия», – написал в статье «Я числюсь по России» Сергей Залыгин, известный русский прозаик XX века.

Можно ли назвать Пушкина философом?

На этот вопрос в книге «Мир Пушкина» Генрих Волков ответил так: «Профессиональным философом его, конечно, не назовёшь: собственно философских произведений у него нет. Вкуса к абстрактным размышлениям он не имел».

А дальше добавил: «Но разве его поэтическое мышление не окрашено определённым философско-эстетическим отношением к миру?». Вспомним хотя бы «Телегу жизни», стихотворение 1823 года:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,	Но в полдень нет уж той отваги;
Телега на ходу легка;	Порастрясло нас: нам страшней
Ямщик лихой, седое время, Везет, не слезет с облучка.	И косогоры и овраги, Кричим: полегче, дуралей!
С утра садимся мы в телегу;	Катит по-прежнему телега, Под вечер мы привыкли к ней,
Мы рады голову сломать И, презирая лень и негу, Кричим: пошёл!....	И дремля едем до ночлега, А время гонит лошадей.

Время – это ведь категория не только историческая, но и философская. Это короткое стихотворение – о человеческой жизни, её перипетиях.

Другое известное стихотворение поэта:
Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... и глядь – как раз – умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Строчка из этого стихотворения давно стала своеобразным философским афоризмом:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

А разве не размышлениями о смысле бытия продиктованы следующие поэтические строки?

Дар напрасный, дар случайный.	Иль зачем судьбою тайной Ты на казнь осуждена?
Жизнь, зачем ты мне дана?	

Кто меня враждебной
властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил
страстью,

Ум сомнением взволновал?
Цели нет передо мною;
Сердце пусто, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум.

В чем тайна Пушкина? В чем магия его творчества?

В «Воспоминаниях» М. П. Погодина описан эпизод чтения у Веневитинова «Бориса Годунова»: «Ожидаемый нами величавый жрец высокого искусства – это был среднего роста, почти низенький человек с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, вертлявый, с порывистыми ужимками, с приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застёгнутом наглухо, в небрежно завязанном галстуке. Вместо языка Кокошкинского мы услышали простую, ясную, внятную и вместе поэтическую, увлекательную речь.

А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: «Да ниспошлет Господь покой его душе, страдающей и бурной» – мы все просто как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слёзы, у кого улыбка на губах.

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятья, поднялся шум, раздался смех, полились слёзы, поздравления.

Оболенский, адъюнкты греческой словесности, добрейший человек, какой только может быть, подпив за столом, подскочил после обеда к Пушкину и, взъерошивая свой хохолок – любимая его привычка, воскликнул: «Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, я единица, единица, а посмотрю на вас, и мне кажется, что я миллион. Вот вы кто!» Все захохотали и закричали: «Миллион, миллион!»

С этим эпизодом перекликается высказывание Бориса Бурсова в книге «Судьба Пушкина»: «Стихи Пушкина, каким бы ни было их содержание, возвышают нас в наших

собственных глазах, и при самом строгом отношении нас к нам самим».

Натан Эйдельман в статье «Слово о Пушкине. Уход» («Новый мир», № 1, 1997) написал: «Пушкин идёт к читателю своим путём – не к нему спускаясь, а его до себя поднимая».

Мир Пушкина. Судьба Пушкина. Они стали предметом особого интереса русских философов: Владимира Соловьёва, Василия Розанова, Николая Бердяева, Ивана Ильина.

Их обращение к поэту нетрудно объяснить: «У нас ведь всё от Пушкина» (Ф. М. Достоевский).

Литература

Люшкинова, В. Д. Пушкин и философия: введение в тему / В. Д. Люшкинова // Новомосковский пушкинист / под ред. В. С. Гришина. – Вып. 5. – 2009. – С. 7–9.

В. В. Розанов о Пушкине

Статья «А. С. Пушкин и философия: введение в тему» предполагает продолжение. И сегодня хочется поразмышлять об отношении русских философов к Пушкину.

Начнём, пожалуй, с Розанова. Он много раз писал о поэте в статьях «Два вида правительства», «Кое-что новое о Пушкине», «К кончине Пушкина», «Пушкин и Лермонтов». Не раз упоминал об Александре Сергеевиче в «Уединённом», «Опавших листьях».

Нам сегодня странно читать такие строки Розанова: «Новиков, Радищев, Фонвизин, затем через полвека Щедрин и Некрасов имели такой успех, какого никогда не имел даже Пушкин. А в пору моих гимназических лет о Пушкине даже не вспоминали, – не то, чтобы его читать. Некрасовым же зачитывались до одурения, знали каждую его строчку, ловили каждый стих» («Уединённое»).

О комментаторах Пушкина он писал: «Универсально начитанный «товарищ» в демократической блузе охватил Пушкина, как он есть, в шинели с бобровым воротником и французской шляпе, и понёс, высоко подняв над головой - как

медведь Татьяну в известном сне. И сколько общего у медведя с Татьяной, столько у теперешних комментаторов с Пушкиным».

О пушкинском шедевре, главными героями которого являются два человека – Пугачёв и Гринёв, – Василий Розанов писал: «В «Капитанской дочке» ни одна строка не устарела: а ей 80 лет! В чём же тайна? В необыкновенной полноте пушкинского духа». («Опавшие листья»).

О размышлениях философа над литературой XIX века говорят следующие строки: «Пушкин и Лермонтов кончили собой всю великолепную Россию от Петра и до себя».

По великому мастерству слова Толстой только немного уступает Пушкину, Лермонтову и Гоголю; у него нет создания такой чеканки, как «Песня про купца Калашникова», – такого разнообразия «эха», как весь Пушкин, такого дьявольского могущества, как «Мёртвые души» ... У Пушкина даже в отрывках, мелочах и, наконец, в зачёркнутых строках ничего плоского или глупого. У Толстого плоских мест множество».

Розанов всё время обращается к истории русской литературы XIX века: «Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришёл Гоголь. За Гоголем всё. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. «Лишние люди». Тоскующие люди. Дурные люди. Толстой из этой мглы поднял голову: «К идеалу! Как писатель он ниже Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Но как человек, и благородный человек, он выше их всех...

Он даже не очень, пожалуй, умный человек: но никто не напряжён у нас был так в сторону благородных, великих идеалов.

В этом его первенство над всей литературой. При этом как натура он не был так благороден, как Пушкин. Натура – одно, а намерения, «о чём грезится ночью» – другое. «О чём грезилось ночью» – у Толстого выше, чем у кого-нибудь».

А вот как Розанов характеризует весь XIX век: «Вся цивилизация XIX века есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду «кабака». ... Бога

вообще в «кабаке» нет. И сущность XIX века заключается в оставлении Богом человека».

Со свойственной ему экзальтацией критик и философ пишет: «Пушкин... я его ел. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтёшь вновь; но это – еда. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов».

А вот довольно ядовитое замечание об отечественной словесности: «По содержанию литература русская есть такая мерзость бесстыдства и наглости, – как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышлёном, покорном, – что она сделала? Она не выучила и не выковать серп исполнить, косу для косьбы сделать (вывозим косы из Австрии – география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, «как они любили» и «о чём разговаривали», и только «любили» и ещё «любили».

В статье «Два правительства» (1897) Розанов писал: «Пушкин народен и историчен, вот точка, которую в нём не могут перенести те части общества и литературы, о которых покойный Достоевский в «Бесах» сказал, что они исполнены «животною злобой» к России».

«Он (Пушкин) не отделил «мужика» от России и не противопоставлял «мужика» России, он не разделял самой России, не расчленял её в своей мысли и любил её в целом».

Статья «А. С. Пушкин» (1899) посвящена юбилею поэта – 100-летию со дня рождения: «Пушкин – национальный поэт, вот что многообразно было утверждено тогда. Что значит «национальный поэт»?.. Он не был только русским по духу, как Кольцов, но русскому духу он возвратил свободу и дал ему верховное в литературе положение, что не мог сделать Кольцов и по условиям образования своего, и по размеру сил».

И далее Розанов поясняет: «Пушкин не только сам возвысился до национального, потому что он начал с молитвы Европе, потому что каждый темп этой молитвы выдерживал так долго и чистосердечно, как был в силах; и всё-таки на конце

этой длинной и усердной молитвы мы видим обыкновенного русского человека, типичного русского человека».

В. В. Розанов писал: «Пушкин был царственная душа; в том смысле, что, долго ведомый, он поднялся на такую высоту чувств и созерцаний, где над ним уже никто не царил».

Анализу статьи Щеглова «Нескромные догадки» посвящена статья Розанова «Кое-что новое о Пушкине». Он довольно много цитирует Щеглова: «Приближение холеры, денежные затруднения и разные волнения и огорчения, вызванные предстоящей свадьбой, – всё это настраивало мысль и лиру поэта на самый скорбный лад... И вот, под влиянием грозного призрака смерти, он пишет потрясающие сцены «Пира во время чумы»; денежный гнёт вызывает в нём злые мысли о предательской власти денег, что отражается более чем прозрачно в «Скупом рыцаре». В «Дон-Жуане» Пушкин сводит концы своей молодости перед женитьбой. Это взгляд назад и таинственное предчувствие будущего».

«Под Инезой скрыто воспоминание о госпоже Ризнич. Богатый помещик Сабальский, с которым Ризнич уехала из Одессы в Вену, скоро потом бросил её, и она умерла в нищете и одиночестве... Под Лаурой выведена Керн...

В самом деле – это оглядка женившегося Пушкина на себя и свои отношения к обворожительной девушке, потом так несчастной».

«В «Моцарте и Сальери» автор «Нескромных догадок» – усматривает горькие воспоминания поэта о Баратынском. Материалом для его соображений послужили письма Баратынского к И. В. Киреевскому, впервые появившиеся в «Татевском сборнике», изданном С. А. Рачинским, и извлечённые из местного Татевского архива. В «Татевском сборнике» приведены письма Баратынского (цитировавшиеся в «Новомосковском пушкинисте», № 14, с. 18 – В. Л.), которые никак не могли попасть на глаза Пушкина, и где отзывы о пушкинском творчестве более чем странны... Одновременно с этим в письмах к самому Пушкину он (Баратынский – В. Л.)

рассыпался в похвалах, в одном месте сравнивая его поэтическую деятельность даже с государственной деятельностью Петра Великого. «Тут выходит, – замечает Щеглов, – уже не только обычная у вторых номеров профессиональная ревность, но прямо вероломство».

«Пушкин в бессмертной пьесе возвёл к вечному началу случай своей жизни. Пьеса его первоначально и называлась просто «Зависть».

«Перенесение литературных отношений на музыкальные – только аноним для прикрытия лиц, как и придуманные имена Моцарта и Сальери. Что творение это глубоко субъективно и лично, видно из того, что в нём, как и в «Каменном госте», проходит образ смерти, предчувствие смерти: очевидно, чувство самого Пушкина, выразившееся в столь не сродных сюжетах. Дон-Жуан в «Каменном госте» и Моцарт в последней пьесе – один характер, под которым мы можем почти прочесть подпись: Я, Пушкин».

В статье «К кончине Пушкина» (1916) Розанов высказывается по поводу новой книги П. Е. Щёголева «Смерть Пушкина». Он пишет о собственных размышлениях по поводу смерти поэта: «Пушкин не удержал пера и написал варварски жестокие стихи о графе Уварове, не только министре просвещения, но и образованнейшем человеке своего времени. Уваров ответил ему так же мстительно. Один попрекал его «дровами», другой посмеялся ... даже не над женою его, а именно над «козлом», имеющим рог более, чем полагается по природе».

«...зерно дуэли Пушкина заключалось не в измене («была» она или «не была», об этом даже неприлично было бы стараться узнать) и отнюдь не в ревности, основательна она была или неосновательна, и ни в каком не в «поведении Натальи Николаевны». Зерно было совершенно в стороне от этого: в том, что неосторожным стихотворением, – и, зная хорошо, что стихи Пушкина не забудутся», – он поднял против себя травлю, он возмутил людей весьма достойных. А «повод к травле» они

взяли «что попало». Данный повод был, как и у всех. Но они «всех» не подняли на травлю, а одного Пушкина. Вот этого момента собственно травимости себя – он и не вынес».

Статья «Пушкин и Лермонтов» (1914) – это сравнительный анализ творчества двух великих русских поэтов. О Пушкине: «Пушкин есть поэт мирового «лада» – ладности, гармонии, согласия и счастья».

«Лермонтов «разлад», «не хочется», «отвращение» – вот всё, что он «пел».

В статье «Пушкин» (1899) Розанов написал: «Сегодня первый юбилей главного светоча нашей литературы. Мы говорим «первый», потому что не думаем, чтобы когда-нибудь века нашей истории продолжали течь и в надлежащий день «26 мая» не было вспомнено имя Пушкина!»

И Розанов оказался прав: сейчас 6 июня – день рождения поэта – Государственный праздник России.

Литература

1.Розанов, В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / В. В. Розанов ; под общ. ред. [и с коммент.] А. Н. Николоюкина. – Москва : Республика, 1995. – 733,[1] с. : портр.

2.Розанов, В. В. Опавшие листья / В. В. Розанов ; [сост., вступ. ст. А. В. Гулыги]. – Москва : Современник, 1992. – 541,[2] с.

3.Люкшинова, В. Д. Розанов о Пушкине / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 22. – 2014. – С. 5–8.

По страницам книги А. С. Позова «Метафизика Пушкина»

Книга А. С. Позова «Метафизика Пушкина» (М., 1998) посвящена Пушкину и философии.

Что такое метафизика? Это философский взгляд мышления, рассматривающий явления действительности. Не в их развитии и взаимной связи, а в состоянии покоя и неподвижности, разрозненно, в отрыве друг от друга.

А. Позов пишет: «Пушкин знал хорошо, что философская система есть тюрьма для человеческой мысли, и таковы все без исключения представители новой философии».

Английский пушкинист А. Бриггс назвал Пушкина «философом опыта». А. Позов считает, что мыслитель – это более почётное звание, чем звание философа, и Пушкин – великий мыслитель. Пушкин не ставит поэтическую интуицию на службу религии, не делает её служанкой религии. Русский философ Р. Франк писал: «Пушкин – великий мыслитель... Истинная сфера его мысли – духовная жизнь человека... Основное свойство его мысли – пронизательность».

Пушкинская Татьяна есть русская действительность и в то же время русский идеал. Во всей мировой литературе, считает А. Позов, ещё никому не удавалось соединить идеал и действительность в одном лице, как это сделал Пушкин в образе Татьяны. Встреча и рост двух душ, Татьяны и Онегина, их взаимодействие есть одна из вершин пушкинского творчества.

Онегин – этот русский денди – самый пленительный образ в русском романе.

Автор считает Пушкина первым реалистом в русской литературе, показавшим красоту реальной жизни без классической и романтической прикрас. Только в поэзии реальной жизни дано художественное преодоление всех уродливостей жизни и культуры, и это сделал Пушкин. Он показал всему миру красоту и глубину русского быта, внешне скудного, убогого и отсталого, и русского характера. Он противопоставил западному духу русский дух во всей его мощи.

Большое внимание в своей книге А. Позов уделяет культурологическим аспектам пушкинской и послепушкинской эпохи. Он пишет: «Наряду с насаждаемой Пушкиным культурой попёрла изо всех щелей русская не-культура. Она стала главным содержанием новой русской литературы при Гоголе и после него. Она придала ей специфический удушающий и затхлый характер так называемой обличительной литературы. Русская литература стала служить общественно-политическим целям, стала орудием общественно-политических сил. Столкнувшись с этой не-культурой по произведениям Гоголя, Пушкин пришёл в ужас. Гоголь заплатил жестокою ценою за свой отход от

пушкинской художественной традиции, но его школа утвердилась.

Не-культура увековечена на страницах русской литературы с усердием талантами, достойными лучшего применения. После пресловутого «смеха сквозь слёзы» Салтыкова-Щедрина с желчью и ядовитой слюною Достоевщина с inferнальным бредом и русской истерией, Некрасов с «Музой мести и печали», Толстовщина и Чеховщина с сумеречными душами и «людьми лунного света», тоской и скукой, босяцкая отрыжка у героев Горького, самодурство и семейная тирания у Островского и алкогольное урчание в желудке у героев Глеба Успенского. Так называемый «гоголевский период» русской литературы был опасным уклоном в сторону, чреватых бедствиями. Внутренний яд русской души получил реальные очертания и царит по сей день, к вящему удивлению «культурного Запада». К такому выводу приходит исследователь.

Говоря о драме Пушкина, А. Позов утверждает: «Драма Пушкина выходит за пределы личных мотивов, семейных неурядиц, внешних конфликтов и придворных интриг, это – драма нарождавшейся русской культуры, требовавшей искупительных жертв. Русская культура построена не только усилиями Пушкина, но и на его крови, чистой и святой крови русского пророка».

В «Моцарте и Сальери» Пушкиным показаны не только философия, психология и апология зависти, но также и проблема гениальности в антитезе труда и вдохновения в искусстве. В творчестве Моцарта (и Пушкина) дан синтез труда и вдохновения. Гений – и то, и другое. Один труд без вдохновения ещё не искусство, а сальеризм.

А. Позов утверждает, что «простота пушкинских строф и строк есть святая простота, простота Евангелия».

Особое внимание он уделяет душевному состоянию поэта в конце жизни. «Имея друзей среди «цвета столицы», он одинок

одиноким гения, на целое столетие опережающего современников».

«Пушкин в буквальном смысле, – пишет Позов, – «мадонизирует» Наталью Николаевну, считая её воплощением небесной красоты. Жена же его, хоть и красавица, но простая земная женщина, «мадонистая», как называл её В. А. Жуковский».

Возможно, А. Позов несколько жесток к ней, говоря: «Пушкин вновь принял призрак за идеал. Бездуховная кукла, недалёкая, «созвездие балов, нарядов, танцев, вечеров», стала объектом кавалергардского волокитства. Призрак отомстил за себя». Личная трагедия Пушкина стала трагедией русской культуры.

Далее автор отмечает: «Русская литература дала величайшие образцы людей «не от мира сего», от мира Христова. Пушкинская Татьяна – первая и величайшая из них по своей одухотворённости и художественной законченности. Реализм у Пушкина поэтизирован, облагорожен даже в прозе. Пушкинизм есть христианский религиозный конкретный идеал – реализм. Татьяна есть самый универсальный образ в мировой литературе, и равного ему нет. Абсолютная гармония ставит Пушкина выше всех сравнений. От чтения же Ф. М. Достоевского получается впечатление сплошного сумасшедшего дома».

Завершая своё исследование, А. Позов пишет: «Петля, висевшая на шее Пушкина в течение последних трёх лет жизни, сжималась. Конец держал неизменно в своих руках Николай I, а на ногах тяжким грузом висела Натали, ажурная красавица с осиною талией, лёгкая и воздушная только во флирте и танце, но каменно тяжёлая как жизненная спутница. Не только смерть Пушкина, но и вся его жизнь представляется сознательной жертвой для неосознанной им самим цели».

Литература

Люкшинова, В. Д. По страницам книги А. С. Позова «Метафизика Пушкина» / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 18. – 2012. – С. 1–3.

Великий день Бородина

В 2012 году исполнилось 200 лет Бородинской битве, решившей исход Отечественной войны 1812 года.

В нашей статье мы поразмышляем на тему «Пушкин и 1812 год».

Уже с начала 1812 года политические известия с каждым днём становились всё тревожней. Все говорили о неминуемом нападении на Россию Бонапарта. Доходили эти толки и до лицеистов.

«Война не была ещё объявлена, а части русской армии уже двинулись навстречу врагу. Однажды мглистым февральским утром лицеисты увидели: мимо самого Лицея по Садовой улице бесконечной тёмной лентой движется лейб-гвардии Гусарский полк. За ним двинулись и другие. И вот то, чего ожидали с волнением и тревогой, свершилось: 17 июня в Петербурге и Царском Селе узнали: Бонапарт с полумиллионной армией перешёл Неман и вторгся в Россию. Отечественная война началась. Через Царское Село шли полки: драгуны, гусары, конные, пешие, отряды ополченцев с крестами на шапках, бородатые казаки с пиками... Они шли и шли; и подростки в синих мундирчиках выбегали им навстречу из здания Лицея».

Пушкин напишет:

Вы помните: текла за ратью
рать,
Со старшими мы братьями
прощались

И в сень наук с досадой
возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас.

Лицеисты следили за газетными реляциями с фронта. «31 августа лицеисты прочитали в «Северной почте» донесение Кутузова о героическом и кровопролитном Бородинском сражении». Потом пришли известия о сдаче Москвы. Была угроза, что Наполеон двинет войска на Петербург. Существовал даже план эвакуации Лицея. Но войска Витгенштейна, охранявшие подступы к Петербургу, взяли Полоцк, одержали победу под Лепелем. «Северная столица и Царское Село были вне опасности».

Лицеисты слушали увлекательные рассказы о подвигах партизан, под Москвой действовал отряд бесстрашного капитана Фигнера, под Вязьмой – подполковника Дениса Давыдова.

В своём лицейском дневнике в 1815 году Пушкин записал слышанный от кого-то анекдот про Дениса Давыдова и генерала Бенигсена. «Давыдов является к Бенигсену: «Князь Багратион, – говорит, – прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...

– На каком носу, Денис Васильевич? – отвечает генерал. – Ежели на Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы ещё успеем отобедать».

«29 декабря 1812 года победоносная русская армия перешла через Неман, чтобы освободить от ига Наполеона Германию и другие европейские страны».

Вдохновлённый победами Отечественной войны, Пушкин пишет «Воспоминания в Царском Селе». В январе 1815 года он читает это стихотворение на экзамене по литературе. «Воспоминания в Царском Селе» были напечатаны в 1815 году в журнале «Российский музеум» впервые за полной подписью: Александр Пушкин.

Поэт вспоминает о войне 1812 года, о Бородинской битве:
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы, неистовству и гордости пределы!
Увы! На башнях галл Кремля!..

Пушкин пишет о страшном пожаре Москвы, об уходе «великой армии» из России, упоминает он и о Наполеоне:

Где ты, любимы сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

1814 год

Пушкин был знаком со многими участниками событий 1812 года. Со многими состоял в переписке, многим посвятил свои произведения.

В стих «Орлову», обращённый к участнику Отечественной войны генералу Алексею Федоровичу Орлову (1786–1861), поэт писал:

О ты, который сочетал	Вставая на военную муку,
С душою пылкой,	Усталым усачам верхом
откровенной	Преподаёшь царей науку.
(Хотя и русский генерал)	Но не бесславишь сгоряча
Любезность, разум	Свою воинственную руку
просвещенный;	Презренной палкой
О ты, который, с каждым	палача...
днём	

Дружил поэт с семьёй Раевских. В 1820 году он пишет брату из Кишинёва в Петербург о Раевском: «Я не видел в нём героя, славу русского войска, я в нём любил человека с ясным умом, с простой прекрасною душой, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто достоин понимать и ценить его высокие качества.»

В заметке «О некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского» читаем: «Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств.»

Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812 году! Отечество того не забыло».

Здесь Пушкин вспомнил рассказ Кюхельбекера в лицее в 1812 году: «Когда французы рвались к Могилёву, в разгар жестокого боя, генерал Раевский взял за руки двух юных сыновей своих и пошёл с ними вперёд... На батарею неприятеля. Он крикнул солдатам: «Вперёд, ребята! Я и дети мои укажем вам дорогу». И батарея была взята. Понимаете, взята! Маменька мне сказывала, что дети Раевского не старше нас с вами». Есть

картина, изображающая генерала от инфантерии Н. Н. Раевского с сыновьями Александром и Николаем, одетыми в военную форму.

О графе Воронцове мы знаем по эпиграмме Пушкина:

Полу-милорд, полу-купец.	Полу-подлец, но есть
Полу-мудрец, полу-	надежда,
невежда,	Что будет полным наконец.

1824 год

А Тургеневу А. И. из Одессы в Петербург поэт написал: «Воронцов-вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое». Ну, наверно, не нужно ждать объективности от оскорбленного поэта, вдобавок ещё наставившего рога графу. На экскурсии на Бородинском поле я высказалась о Воронцове так же, как Пушкин, на что мне экскурсовод мудро возразил. «Личное мнение Александра Сергеевича можно, конечно, принимать за истину в последней инстанции, но на самом деле Михаил Семёнович Воронцов (1782–1856) был храбрым офицером, участвовал в Бородинском сражении, проявил героизм и мужество, был ранен, его везли с поля боя в одной телеге с раненой кавалерист-девицей Дуровой». М. С. Воронцов – участник сражений под Лейпцигом, Парижем. После войны он много сделал для процветания Новороссийского края, будучи там генерал-губернатором. В это время Пушкин, находясь в южной ссылке, и познакомился с ним.

Естественно, поэт не обошёл своим вниманием и главных героев 1812 года.

Стихотворение «Полководец» посвящено драматической судьбе Барклая-де-Толли:

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом – густая мгла;
За ним – военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительно думой.
О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принёс земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шёл один ты с мыслию великой,

И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал ...
И долго, укреплѣн могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблуждѣнем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманнѣе глубоко, –
И в полковых рядах сокрыться одиноко.

1835 год

После публикации стихотворения А. Голенищев-Кутузов в брошюре «Критическая заметка на стихотворение Пушкина «Полководец» писал: «Поэт полагает, что генерал Барклай-де-Толли уступил лавровый венок князю Голенищеву-Кутузову... сожаления достойно, что поэт позволил себе такой совершенно неприличнѣе вымысел».

В 7 томе ПСС напечатано «Объяснение» Пушкина по поводу этого замечания: «... стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, которѣе в великѣе 1812 год прошѣе первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы ещѣ радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты;

ибо Кутузов один облечён был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал.

Его (де-Толли – В. Л.) отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым; не только роптал народ ожесточённый и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником».

Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818) в начале войны 1812 года был главнокомандующим русской армии. Тактика Барклая – отступления в глубь страны – вызвала резкое недовольство в войсках и при дворе. Барклай был смещён, и на его место был назначен Кутузов, который продолжил ту же тактику. Поступивший к нему под начало Барклай участвовал в ряде сражений, появляясь во всех наиболее опасных местах. После Бородинской битвы он написал Александру 1: «26 августа не сбылось моё пламеннейшее желание: провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит». Портрет Барклая-де-Толли работы английского художника Доу был помещён в «Военной галерее» Зимнего дворца.

Кутузову Пушкин посвятил стихотворение «Перед гробницею святой»:

Под ними спит сей властелин, Сей идол северных дружин, Маститый страж страны державной, Смиритель всех её врагов, Сей остальной из стаи славной Екатерининских орлов. В твоём гробу восторг живет!	Он русский глас нам издаёт; Он нам твердит о той године, Когда народной веры глас Воззвал к святой твоей седине: «Иди, спасай!» Ты встал – и спас...
--	--

Гробница Кутузова находится в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

И естественно, не осталась без внимания поэта и фигура Наполеона. В 1815 году написано стихотворение «Наполеон на Эльбе». Поэт пытается разгадать мысли узника. Тот думает о

Европе, которая легко сдалась на милость Франции, думает и о России, лишившей его ореола победителя.

... туча грозная нависла над Москвою, И грянул мести гром! Полнощи царь младой! Ты двинул ополчения, И гибель вслед пошла кровавым знаменам,	Отозвалось могущего падение, И мир земле, и радость небесам, А мне – позор и заточенье!
--	---

Наполеона поэт изображает «хищником», жаждущим крови, мщенья. Стихотворение написано после побега Наполеона с Эльбы и высадки его во Франции.

Получив известие о смерти Наполеона 5 мая 1821 года на острове Св. Елены, Пушкин пишет стихотворение, посвящённое ему:

Чудесный жребий совершился: Угас великий человек. В неволе мрачной закатился Наполеона грозный век. Над урной, где твой прах лежит, Народов ненависть почил И луч бессмертия горит. Россия, бранная царица, Вспомни древние права! Померкни, солнце Австерлица! Пылай, великая Москва! Настали времена другие,	Исчезни, краткий наш позор! Благослови Москву, Россия! Война: по гроб на договор! Да будет омрачён позором Тот малодушный, кто в сей день Безумным возмутит укором Его развенчанную тень! Хвала!.. Он русскому народу Высокий жребий указал И миру вечную свободу Из мрака ссылки завещал.
---	--

Словосочетание «солнце Австерлица» напоминает о Бородинском сражении. Когда перед его началом показалось солнце, Наполеон, обращаясь к войскам, воскликнул: «Солдаты, это солнце Аустерлица!». Но император ошибся.

К автору памятников Барклаю-де-Толли и Кутузову в Петербурге скульптору Борису Ильичу Орловскому (1796–1837) обращены следующие пушкинские строки:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даёшь, мрамор послушен тебе:

Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот Зевс громовержец,
 Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир
 Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.
 Тут Аполлон – идеал, там Ниобея – печаль...
 Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров –
 Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
 В тёмной могиле почил художников друг и советник,
 Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

1836 год

В «Песнях западных славян» Пушкина находим мы поэтический рассказ о том, как черногорцы разбили французский отряд, позорно бежавший с поля боя («Бонапарт и черногорцы»).

А вот повесть «Метель» рассказывает о судьбе жениха Марьи Гавриловны: «Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородиным, она упала в обморок».

В стихотворении «Клеветникам России» Пушкин задаётся вопросом, за что Европа так ненавидит Россию.

За что ж? ответствуйте: за то	Мы тяготеем над
ли,	царствами кумир
Что на развалинах пылающей	И нашей кровью искупили
Москвы	Европы вольность, честь и
Мы не признали наглой воли	мир?..
Того, под кем дрожали вы?	
За то ль, что в бездну	1831 год
повалили	

«Против этих-то «клеветников, врагов России», мечтавших о реванше за 1812 год, в основном направлено стихотворение».

В том же 1831 году поэт создает стихотворение «Бородинская годовщина». Размышляя о Бородинских «уроках», Пушкин пишет:

Вы, черни бедственный	Пустая притча, лживый
набат,	сон?
Клеветники, враги России!	Победа! сердцу сладкий
Что взяли вы?.. Ещё ли росс	час!
Больной, расслабленный	Россия! встань и
колосс?	возвышайся!
Ещё ли северная слава	

Греми, восторгов общий глас!

Помню учебную экскурсию в Можайск-Бородино в середине 1980-х годов. Помню величественной поле русской славы, усеянное памятниками полков, оставивших там навечно своих героев.

С обеих сторон на Бородинском поле погибло 50000 человек. Это население довоенного Сталиногорска. А братская могила всего лишь одна, у семеновских флешей.

Дело в том, что и французам и нашим некогда было хоронить погибших. Наши быстро отступили, спасая армию, а французы торопились в Москву.

И только весной 1813 года, боясь, что разлагающиеся человеческие останки и останки коней, погибших на Бородинском поле, вызовут эпидемии, власти приказали собрать крестьян окрестных сел и деревень, и те баграми сгребали тела победителей и побеждённых и сжигали их. Ещё одна страшная правда о том великом сражении.

Благодетельство победителей проявилось и в том, что на Бородинском поле есть стела с надписью по-французски и по-русски: «Мёртвым великой армии». Той самой, которая здесь начала свой путь к бесславному концу.

Литература

1. Басина, М. Я. Жизнь Пушкина : документально-художественные повести : [в 4 кн.] / М. Я. Басина. – Санкт-Петербург : Изд-во «Пушкинского фонда», 2011.

2. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – [1-е изд.]. – Ленинград : Наука, 1950–1951.

3. Люкшинова, В. Д. Великий день Бородина / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 16. – 2012. – С. 1–8.

Цыгане в жизни и творчестве А. С. Пушкина

Пушкин стал первооткрывателем цыганской темы в русской литературе. По рассказам товарищей поэта, он в первые два года лицейской жизни написал роман в прозе «Цыган». Но особенно ярко эта тема проявилась в первой, южной, ссылке Пушкина. В Молдавии поэт близко столкнулся с жизнью цыган во время поездок по Бессарабии в декабре 1821 и в январе 1824.

«В поэме «Цыганы», начиная с имени героя (Алеко – Александр), много автобиографического, но автобиографизм ограничивается, по-видимому, психологией героя, а не основан на действительных фактах».

О том, что поэт интересовался цыганской темой, говорит проект предисловия к поэме, созданной им: «Долго не знали в Европе происхождения цыганов, считали их выходцами из Египта; донныне в некоторых местах называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения: доказано, что цыгане принадлежат к отверженной касте индейцев, называемых парна. Язык и то, что можно назвать их верою – даже черты лица и образ жизни – верные тому доказательства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг; они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками. В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Дань их составляет неограниченный доход супруги Господаря. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой: они не промышляют, например, обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же ремеслами»

В июле-августе 1821 года Пушкин гостил в Долне, в имении приятеля Константина Ралли. Сейчас в этом доме – музей Пушкина. В лесу между Долной и Юрченами Пушкин повстречал цыганский табор, с которым связана поэма «Цыганы». Некоторое время Александр Сергеевич провел в этом таборе у цыганки Земфиры.

Многие исследователи отмечают, что поэма Пушкина «является наиболее полным отражением идей о порочности европейской цивилизации, восходящих к Руссо, которого он на юге читал... На обращении Пушкина к Руссо сказались общение его с членами Южного тайного общества».

Будущие декабристы с восторгом приняли пушкинское произведение. «Цыганы» начаты в январе 1824 года в Одессе, а завершил их поэт уже в Михайловском. В день окончания «Цыган» Пушкин сообщал П. А. Вяземскому: «... сегодня кончил я поэму «Цыганы». Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть запревшие м...», А Жуковскому пишет: « Ты спрашиваешь, какая цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии – поэзия – как говорит Дельвиг (если не украл этого)».

Пушкин посылает Вяземскому ноты и «Песню Земфиры», представлявшую собой «довольно близкую переработку народной цыганской хоры на молдавском языке «Жги меня, режь меня». Они были опубликованы в «Московском телеграфе» (1825). А сама поэма ходила в списках. «От «Цыган» все без ума», – писал Пушкину Рылеев 25 марта 1825 года. Но вышла в свет поэма (без имени автора) в мае 1827 года. При своем появлении она вызвала сочувственный отзыв Булгарина в «Северной Пчеле» и восторженную статью Вяземского в «Московском телеграфе».

В «Заметках о ранних поэма» Пушкин писал: «О «Цыганах» одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазающей публики. Вяземский повторил то же замечание (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее).

Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: но тем лучше».

Пушкин, как и многие его друзья, любил слушать цыганские песни. Посещал знаменитый цыганский хор в Москве. Одна из его певиц цыганка Татьяна Демьянова оставила свои воспоминания о Пушкине, который как-то приехал с

другим гостем: «А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой. И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают,

Однако, когда я уже петь начала, были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: «Друг милый, друг милый, с далека поспеши». Как я его пропела, Пушкин с лежанки скок, он как приехал, так и взобрался на лежанку, потому на дворе холодно было, – и ко мне».

Перед женитьбой поэт встретился с цыганской певицей в доме своего друга Нащокина: «Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, сказывали, на Гончаровой. Ну и хорошо, подумала, господин он добрый, ласковый, дай ему Бог совет да любовь! Только раз, вечером – аккурат 2 дня до своей свадьбы оставалось, – зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин... поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжко, голову на руки опер, глядит на меня: «Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?» – «Как не слышать, говорю, дай вам Бог, Александр Сергеевич!» – «Ну, спой мне, спой!» – «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!» ... Она принесла гитару, – стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть. Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому у меня был свой предмет, – женатый он был человек, и жена увезла его от меня, в деревне заставила на всю зиму с собой жить, – и очень тосковала я оттого. И, думаячи об этом, запела я Пушкину песню, – она хоть и подблюдно считается, а только не годится было мне её теперича петь, – потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?

Государыня, что так пыльно?

Кони разыгрались... А чьи-то кони, чьи-то кони?

Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю, как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как

ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Войнович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» – «Эх, – говорит, – эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!» И не долго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился»...

В письме Пушкина жене от 16 декабря 1831 года читаем: «Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел, до свидания».

В 1831 году в альманахе «Денница» напечатано было своеобразное поэтическое прощание Пушкина с цыганской темой:

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.
Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.
Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след.
Вы уйдете – но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.
Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

Литература

Люкшинова, В. Д. Цыгане в жизни и творчестве А. С. Пушкина / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 13. – 2011. – С. 16–20.

Мифология сказочных образов Пушкина

Пушкин – солнце русской поэзии. Пушкин – ясность и простота. К этому привыкаешь с детства, читая его сказки. Каждая сказка – шедевр.

Сказки Пушкина – хранители древней мудрости.

В пушкинские времена впервые началось изучение славянского духовного наследия. В 1804 году молодой литератор Александр Кайсаров издал книгу «Славянская и российская мифология». Автор был хорошо известен в пушкинских кругах, знал его и сам Пушкин. Он был на 17 лет моложе А. Кайсарова. Для передачи и сохранения мифов нужна преемственность. Раньше этим занимались жрецы, а после введения христианства – отцы семейств, дедушки, а особенно бабушки, так как именно они воспитывали молодежь. Но во времена Пушкина патриархальность русской деревни была уже порушена, начиная Петром I и кончая наполеоновскими походами, целью которых было повернуть Русь к капитализму. Поэтому устная народная культура могла потерять последние остатки древних знаний.

И вот тут появляется Пушкин. Он написал сказки. Своим гением он вдохнул новую жизнь в мифологические образы, закрепляя их в памяти всех слоев народа теперь уже на долгие годы и века.

«Сказка о царе Салтане»
Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
Кабы я была царица, –

Говорит одна девица, –
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир.

Кто же эти нестареющие три девицы, встречающиеся буквально в мифах всех стран как богини? Множество богов имели триединую природу: это кельтская Бригитта, греческие богини судьбы Мойры, скандинавские Парки, Эринии, три Медузы, три Хариты, три Грации. Часто они изображались через один образ.

Число три – основное в мифологиях – стало таким же в христианстве. Триединый образ яснее всего раскрыт в Индии, где боги Брами – Вишну – Шива выражают три силы: созидание, равновесие и разрушение. Это вполне правильно выраженный принцип существования жизни – и в философском понимании, и в физическом. Пифагорейцы считали тройку первым сильным числом, поскольку она преодолевает двойственность, означая множественность, творческую силу, движение вперед. Причем в

тройке при разделении сохраняется центр, т.е. центральная точка равновесия. Поэтому именно «Три» применялось для обозначения высшей божественной силы, а так как эта сила творящая, то чаще всего это были три женщины. Именно поэтому, начиная сказку, как начиная творение мира, Пушкин усаживает трех девиц у окна, причем поздним вечером, ведь все богини связаны со светом звезд. Они прядут, а в мифологиях самые главные богини непременно пряжи.

Этот образ здесь связан с окошком, через которое пряжа спускает звезду при рождении и закрывает, если жизнь прекращается.

На Руси Пряхой называли богиню Макошь, но сведений о ней практически не осталось, кроме того, что князь Владимир ввел ее в свой языческий пантеон. Кроме того, что они богини судьбы, пушкинские пряжи имеют ярко выраженную функциональную задачу.

Одна приготовила бы пир, другая наткала бы полотна, а третья - родила бы богатыря. Естественно, что царь, который олицетворяет земную жизнь, упорядоченную в государственности, выбирает третью девицу. Для каждого царства главной задачей является продолжение рода царского и вообще человеческого.

Но, выбрав одну девицу, пушкинский царь не может оставить остальных, потому что духовно и мифологически эта троица неразделима. Одна стала ткачихой, другая – поварихой. Если о глубинном смысле ткачихи-пряжи уже говорилось, то нужно сказать, что повариха тоже имеет подтекст. Это Мать-кормилица, недаром она собиралась кормить весь мир. Третья же сестра явно выполняет функцию Рожаницы. Таким образом, в сказке Пушкина Девы-матери выступают в образе космическом, творящем и поддерживающем жизнь, а царь – в образе земном, в строителе державы. Это напоминает египетскую схему строения мира: небо – женское начало, земля – мужское. Вместе они составляют единый Космос.

Пушкинский герой растет в бочке не по дням, а по часам, он закликает волну: «Не губи ты нашу душу, выплесни ты нас на сушу». Значит, герой уже понимает язык стихий и пытается ими управлять. Именно этим умением должны были обладать посвященные. Так же, как и остальные мифические герои, он оказывается спасенным, но не людьми, а самой природой.

Мало кто обращает внимание, что пушкинский герой не имеет имени вплоть до того, как он вырос, попал на остров, убил коршуна, освободил царевну-Лебедь, три дня постился – и был награжден прекрасным городом. «В тот же день стал княжить он и нарекся: князь Гвидон».

В сказке Лебедь говорит:	Есть не будешь ты три
Ты, царевич, мой	дня...
спаситель!	А теперь ты воротись,
Мой могучий избавитель,	Не горюй и спать ложись.
Не тужи, что за меня	

Она ведет себя как существо высшее, имеющее право давать указания. Здесь герой еще «царевич», т.е. сын царя, но еще без имени. И только после священного сна он назвался Гвидоном. Мы так привыкли к этому имени, что оно кажется нам таким родным, русским. Это действительно так, в этом слове индоевропейский корень «дон», точнее «д-н», означающий «вода». Вероятно, во сне он видел воду, т.к. свой геройский поступок совершил на море. Что означает частичка «Гви» - пока не ясно,

Но Пушкин не занимался выдумками на эту тему. Оказывается, у исторически близких нам кельтов были жрецы-друиды, самый высший из них назывался «Гвидоном». Первая половина этого слова (если проследить по индоевропейским корням) может быть близкой к эпитету Кришны «Говинда». Значение – пастух, глава пастухов. Известно, что таким же смыслом награждали Христа и даже изображали с овечкой, что означало духовного пастыря.

Но наиболее интересно для нас авестийское понятие «кави». У древних арийских племен так назывался племенной вождь, который одновременно был жрецом. Так что в имени

Гвидона Пушкин не только употребил титул верховного жреца друидов, но позволил нам понять, что этот же титул носили родоначальники и персидских и русских династий.

Однако высшим мистическим символом Духа у индийцев был Лебедь, а у персов некая абстрактная идея божьей благодати «Хварно» в виде птицы Варагн или огненного солнечного диска. Некоторые исследователи считают Варагн орлом, ястребом, а другие – даже вороном. Все они являлись символами Солнца. У Пушкина солнечность героя подтверждают слова: «И царица над ребенком, как орлица над орленком».

Изображенная Пушкиным битва коршуна и Лебедя символически означает только лишь постоянную борьбу двух начал в природе.

Когда на остров к князю Гвидону приезжают купцы, он спрашивает, куда они едут.

«Едем прямо на восток, мимо острова Буяна в царство славного Салтана».

На востоке славянские мифы располагали «страну солнца», что опять связывает с ним Салтана.

Остров Буян играет в мифологии исключительную роль. Русский исследователь А. Афанасьев отмечал, что без его имени не силен ни один заговор, в нем сосредоточивается вся могучая и чудесная сила. Этот остров лежит в Окиян-море, а так как оно имело и космический характер, то возможно, Буян-остров тоже был небесным, существующим в ином мире. В Буяне хранились творческие силы всей Природы, семена всего живого.

Некоторые исследователи связывали с островом Буян реальный остров Рюген, лежащий в Балтийском море. На этом острове действительно располагались древнейшие храмы славян, посвященные Световиду. У Пушкина остров Буян как раз является разделителем двух миров, своеобразным центром, лежащим между землей царя Салтана и островом князя Гвидона.

Символически отметив присутствие такого важного образа, как остров Буян, в дальнейшем Пушкин как бы

объединяет его с островом Гвидона. Именно там растет знаменитый дуб – Мировое дерево, под которым будущий Гвидон провел первую ночь, в результате чего наступило преобразование и острова и самого царевича. От этого дерева он отломил ветку и сделал лук со стрелой. Дуб у славян был деревом Перуна – огня и грозы, а его ветви – «громовыми стрелами» – молниями. Именно на этом острове происходят все последующие чудеса.

Литература

1. Друзья Пушкина : [в 2 т.] / сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина]. – Москва : Правда, 1986.
2. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – [1-е изд.]. – Ленинград : Наука, 1950–1951.
3. Айветс, А. Цыгане в наши дни / Артур Айветс // Курьер. – 1974. – дек.
4. Малчун, М. Рома встречаются в Ядвисине / М. Малчун // Эхо планеты. – 1990. – № 18.
5. Люкшинова, В. Д. Цыгане в жизни и творчестве А. С. Пушкина / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 13. – 2011. – С. 21–24.

Продолжение и окончание «Евгения Онегина»

Сейчас стало модным писать продолжение знаменитых книг: так были продолжены «Тихий Дон» и «Война и мир», «Унесённые ветром» и т.д. Но Пушкин и тут первый. В 1890 году в Москве в типографии Л. и А. Снегирёвых была напечатана книга «К незаконченному роману «Евгений Онегин» сочинения А. Пушкина продолжение и окончание сочинение А. Разорёнова».

Под названием на титульном листе стояло два эпитафия:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья,
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья.

А. Пушкин

Но тот блаженней много крат,
Кто чувством с ближними делился,
На суд их правый не сердился
И не желал от них наград.

Ко времени выхода «Продолжения и окончания» его автору Александру Разорёнову уже было 70 лет. Стихи писал 50 лет, печатался в периодических изданиях, но единственной его книгой стало «Продолжение». Разорёнов – писатель-самоучка, вышедший из народной среды. Он автор известной народной песни «Не брани меня, родная».

После долгих скитаний он открыл в Москве овощную лавочку, здесь познакомился с Иваном Суриковым, известным в то время поэтом, участвовал в коллективном сборнике поэтов-самоучек «Рассвет». Среди писателей-самоучек существовал культ Пушкина – от Сурикова до Есенина с его стихотворением «Пушкину».

Но вернёмся к «Продолжению...» Разорёнова. Начинается книга обращением к Пушкину:

О тень великого поэта	За то, что к твоему
Из недр неведомого света	творенью
На труд ничтожный мой	Я окончанье написал
взгляни –	И, волю дав воображенью,
И если стою, – побрани	Героя в нём дорисовал.

Само продолжение и окончание романа в стихах состоит из 20 глав и эпилога. Главы написаны «онегинской строфой». Нарушается эта форма лишь несколько раз (как и в романе Пушкина), когда повествование прерывают вставные элементы: песни, письма, развёрнутый диалог с обозначением лиц говорящих.

Действие первой главы «Продолжения...» начинается сразу же после решительного объяснения Онегина и Татьяны в Петербурге, когда она сказала ему роковые слова:

Я вас люблю (к чему	Но я другому отдана
лукавить!)	И буду век ему верна.

Разорёнов описывает душевное состояние Татьяны после этого объяснения:

Татьяна, милая Татьяна,	Который жизнь твою
Ещё ты любишь всё тирана,	сгубил,
	Твоей любви не оценил...

Татьяна «жалкая» потому, что она достойна жалости, сочувствия. Поразмыслив о прошлом, она решила:

Как ни был мил и дорог он,	Нарушить честь? Какой
Молчать о прошлом, как	позор!
могила,	Нанести супругу
Храня супружеский закон:	оскорбленье!..
И ей ли сделать	

преступленье?

Впрочем, несмотря ни на что, «её унылый взор в толпе волнующей блуждал и всё кого-то там искал».

А Евгений? «Чтобы забыть любви страданья», сначала хотел жениться, а потом пустился в разгул. Тройки, шампанское, цыгане, арфистки, карты – сначала в России, потом в Париже.

Со всей крестьянской прямоотой Разорёнов пишет:

Пошёл кутёж за кутежом,	Встряхнулась в толстом
И заварилась та же каша	кошельке
В большом парижском том	И стала таять, словно лёд,
горшке,	Который солнышко печёт.

А трудовая деньга наша

В «романе» Разорёнова встречаются и авторские отступления с философскими, моральными и эстетическими обобщениями.

Из Парижа Онегин возвращается в свою деревню. Выходит прогуляться в поле. И что же видит!

Жара, кипит в полях работа	Глядит, как трудится народ,
–	На эту силу, этот пот,
Крестьяне всюду косят,	И даже чувство сожаленья
жнут,	Невольное проснулось в
С утра до ночи капли пота	нём.
С их лиц обильные текут.	«Как люди те до утомленья
Онегин, полный	Работают! Своим трудом –
размышленья,	Всех кормят, сами же
Как будто с чувством	порой
уваженья	Страдают тяжкою нуждой».

Онегин заходит в деревню и видит сидящего на завалинке старика-слепца, заводит с ним разговор, предлагает деньги, но старик отвечает, что счастье не в деньгах, а в «доброй жизни». Эта мысль поразила Онегина, и он решает вести «добрую жизнь». В церкви Онегин встречает старушку Ларину и получает приглашение на обед. Разорёнов явно симпатизирует

матери Татьяны, поэтому, сравнив её с гостями на обеде, делает однозначный вывод:

Итак, почтенных тех гостей
Она учёной и умней.

Приглашённый хозяйкой в комнату Татьяны, Онегин находит там альбом, где есть и её стихотворение, написанное в духе песни «Не брани меня, родная».

Онегин постепенно чахнет, заболевает чахоткой и умирает. Перед смертью он пишет письмо Татьяне:

Любовь меня во гроб ведёт...
Желал бы жить я и любить,
Но жить без вас одно мученье.
На вас лишь издали смотреть –
Одно в вас видеть сожаленье;
О нет, уж лучше умереть.

Перед смертью Онегин отпускает своих крестьян на волю. В двух небольших главках Разорёнов рассказал о том, как постарели Татьяна и её муж. Завершает «окончание» элегический «Эпилог». На старое кладбище приходит «старуха дряхлая с клюкой», она посещает две могилы: мужа и Онегина.

Увы! Давно старуха эта
Когда-то прелестью цвела,
Блистала в высшей сфере света –
Татьяна жалкая была.

В смысле – «несчастливая». Завершается эпилог по законам жестокой городской баллады:

И вскоре свежая могила
На кладбище виднелась том:
Она Татьяну поглотила,
Почившую последним сном...

Роман Разорёнова явился своеобразным ответом на вопрос самого поэта об Онегине:

Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится?..

Думается, прочитав «продолжение и окончание» своего шедевра, Пушкин долго бы смеялся, а может, оценил ситуацию по-другому: ведь его такой далёкий от простого обывателя герой заставил задуматься о его дальнейшей судьбе русского

крестьянина, который «дописал» его жизнь как смог, но искренне и не без сочувствия, чего, конечно, не мог бы не оценить умный, ироничный и весёлый гений.

Литература

Люкшинова, В. Д. Продолжение и окончание «Евгения Онегина» / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 20. – 2013. – С. 6–9.

Кавказские пленники

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ
А. Пушкин
Кавказ подо мною

А. Пушкин

Кавказ! С ним у нас ассоциируются кавказские войны, которые вела Россия здесь в веке XIX и в конце XX – начале XXI веков. Те, кто читал книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», конечно, помнят очень резкую оценку, которую дал в ней русский историк, публицист, философ этому региону.

Но если обратимся к русской литературе XIX века, то обнаружим, что многие русские писатели создавали произведения о Кавказе. Для них он был не только ареной боевых действий, но и своеобразным символом свободы.

В примечаниях к «Кавказскому пленнику» Пушкин приводит стихотворения Державина и Жуковского, в которых даны «дикие картины Кавказа». Это были ода Державина графу Зубову и послание Жуковского г-ну Воейкову. Может быть, эта самая дикая природа Кавказа и будила в русских писателях преклонение перед неуправляемой и никому не подчиняющейся стихией, рождала мысли о свободе, которой так недоставало покойной равнинной России.

Что стоит державинское описание Кавказа:

О, юный вождь, сверша походы,	Как с рёбр там страшных гор лиясь,
Прошёл ты с воинством Кавказ,	Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Зрел ужасы, красы природы:	Как с чел их с грохотом снега Падут, лежавши целы веки;

Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Мы знаем два произведения под одинаковым названием «Кавказский пленник» – А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого.

В пушкинские времена были популярны романы и повести Бестужева-Марлинского: «Аммалат-Бек», «Красное покрывало», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Мулла-Нур», которые посвящены кавказской жизни. В них много верности местному колориту и много несомненной психологической правды. Марлинского называли Пушкиным в прозе. «Он был самым читаемым автором своей эпохи, и соперничать с ним мог только Пушкин, который называл его русским Вальтер Скоттом, «первым во всех значениях слова» [4, с. 192].

«Поколение 30-40-х годов черпало в произведениях Бестужева нравственную бодрость и волю к жизни, с которой ему легче было терпеть и бороться с жестокими общественными условиями» [4, с. 194].

«7 июня 1837 года Бестужев был убит в бою с черкесами на мысе Адлер». Пушкин погиб в конце января 1837 года на дуэли с Дантесом.

Но вернёмся в год 1821, когда поэтом была закончена работа над «Кавказским пленником». Поэма посвящена Н. Н. Раевскому:

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту,
пустынный величавый,
Аулов и полей властитель
пятиглавый,
Был новый для меня
Парнас [1, с. 461].

О Кавказе, где происходит действие поэмы, поэт пишет:

Гнездо разбойничьих племён,
Черкесской вольности отрада [1, с. 463].

Герой поэмы – русский офицер, попавший в плен. Вот что мы читаем о нём:

Людей и свет изведал он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашед
измену,

В мечтах любви безумный
сон,
Наскуча жертвой быть
привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Чего же ищет герой поэмы?
Свобода! Он одной тебя
Ещё искал в пустынном мире [1, с. 464].

Закованный в кандалы, сидит он в кавказском плену.
Ночами еду и кумыс приносит ему юная черкешенка:

Она любила, знала счастье,
Но русский жизни молодой
Давно утратил
сладооастрье,
Не мог он сердцем отвечать

Отступник света, друг
природы,
Покинул он родной предел
И в край далёкий полетел
С весёлым призраком
свободы [1, с. 464].

Любови младенческой,
открытой –
Быть может, любви
забытой
Боялся он вспоминать [1,
с. 466].

Не правда ли, этот герой напоминает юного Онегина?
Глазами героя мы видим горный пейзаж:

Вперял он любопытный
взор
На отдалённые громады
гор.
Седых, румяных, синих
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам его казались их
вершины

Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс
двуглавый,
В венце блистая ледаюм,
Эльбрус, огромный,
величавый,
Белел на небе голубом.

Герой изучает обстановку:

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный
привлекал.
Меж горцев пленник
наблюдал
Их веру, нравы,
воспитанье,

Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду
брани,
Движений вольных
быстроту,
И лёгкость ног, и силу
длани [1, с. 467].

Вот каким предстаёт горец в поэме Пушкина:

Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нём броня, пищаль,
колчан,

Кубанский лук, кинжал,
аркан и
И шашка, вечная подруга

Его трудов, его досуга [1, с. 467].

Горцы относятся к пленнику с симпатией:

Беспечной смелости его И шёпотом между собой
Черкесы грозные дивились, Своей добычею гордились.
Щадили век его молодой [1, с. 470].

Влюблённой в героя черкешенке он говорит:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоих восторгов я не стою» [1, с. 471].

Вспомним, как отвечал влюблённой Татьяне Онегин.

Но вот русский начинает мечтать о побеге:

Но цель невольника тяжка,
Быстра глубокая река [1, с. 475].

Черкешенка приносит пилу, герой распиливает цепи. И бежит. Он переплывает горную речку, а девушка тонет в ней. Герой поэмы пробирается к своим:

И перед ним уже в туманах Сторожевые казаки [1, с. 477].
Сверкали русские штыки.
И окликали на курганах

В финале поэт размышляет о своей Музе:

Так Муза, лёгкий друг И часто в сей одежде новой
Мечты, Волшебница являлась мне...
К пределам Азии летала ...Богиня песен и рассказа,
И для венка себе срывала Воспоминания полна,
Кавказа дикие цветы. Быть может, повторит она
Её пленял народ суровый Преданья грозного Кавказа;
Племён, возросших на Расскажет повесть дальних
войне, стран... [1, с. 477].

Заканчивает свою поэму Пушкин на торжественной ноте:

И смолкнул ярый крик Подобно племени Батья,
войны: Изменит прадедам Кавказ,
Всё русскому мечу Забудет алчной брани глас,
подвластно. Оставит стрелы боевые.
Кавказа гордые сыны, К ущельям, где гнездились
Сражались, гибли вы, вы,
ужасно; Подъедет путник без
Но не спасла вас наша боязни,
кровь, И возвестят о вашей казни
Ни горы, ни лихие кони, Преданья тёмные молвы.
Ни дикой вольности [1, с. 478].
любовь!

В 1870-е годы Лев Толстой пишет рассказ «Кавказский пленник» к третьей книге для чтения. Он даёт ему подзаголовок: «быль». Эта быль рассказывает о двух русских офицерах – Жилине и Костылине, попавших в плен к горцам. Если в романтической поэме Пушкина у героя нет ни имени, ни фамилии, так же как и у героини, то в толстовском произведении все герои обозначены, что соответствует жанру были.

Мы узнаём, что мать Жилина нашла ему невесту и он собирается в отпуск. Но вместо этого он попадает в плен, когда едет с обозами: «Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошёл. Пыль, жара, солнце так и печёт, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге» [2, с. 203].

И вот, решив избавиться от жары, Жилин и Костылин, «мужчина грузный, толстый, весь красный» [2, с. 209], отъезжают от обоза и попадают к татарам. Татары привозят Жилина в аул, надевают колодки и бросают в сарай: «Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лёг». [2, с. 211].

Через щели Жилин видит окрестности: «...дорога под гору идёт, направо сакля татарская, два дерева подле неё. Собака чёрная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подёргивают. Видит – из-под горы идёт татарка молоденькая, в рубахе цветной, распяской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идёт, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведёт бритого. В одной рубашке» [2, с. 212].

Как и Пушкин, Толстой изображает горцев: «...татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шёлковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, чёрная, назад заломлена» [2, с. 212].

Вместо абстрактной черкешенки у Пушкина, здесь вполне реальная девочка Дина, «тоненькая, худенькая, лет 13-ти и лицом на чёрного похожа. Видно, что дочь. Тоже глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди, на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на

башмачках другие с высокими каблуками, наше монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная, и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный» [2, с. 212–213].

Один татарин продал Жилина другому, а тот заставил его написать письмо домой о выкупе в 3000 рублей. Но Жилин, зная, что у матери нет таких денег, написал придуманный адрес. Он надеется только на себя.

В плену Жилин встретил Костылина, «толстого, босиком и ободранного, на ноге тоже колодка» [2, с. 215]. Костылин написал домой о выкупе в 5000 рублей.

Жилин мастерит кукол, плетёт плетёнки из прутьев. Дина по-детски привязывается к пленнику и потихоньку подкармливает его. Жилин исподволь готовится к побегу, роет подкоп в сарае, осматривает окрестности – и что же видит: «Промеж гор лес синееется, а там ещё горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех – белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат – всё такие же горы, кое-где аулы дымятся в ущельях...

Стал смотреть в одну сторону: под ногами речка, аул свой, садик кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, – бабы, сидят, полоскают. За аулом, пониже, гора, и через неё ещё две горы, по ним лес; а промеж двух гор синееется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется» [2, с. 220].

Жилин уговаривает Костылина бежать, тот устаёт по дороге, Жилин тащит его на себе. Их ловят и возвращают в аул: «Житьё им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда (в яму – В. Л.) тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота».

Дина помогает Жилину бежать, приносит шест, с помощью которого он выбирается из ямы. Расставание героев Толстой изображает так: «Спасибо, – говорит (Жилин – В. Л.), –

умница. Кто тебе без меня кукол делать будет?» – и погладил её по голове.

Как заплачет Дина, закрываясь руками, побежала на гору, как козочка прыгает» [2, с. 228].

Мы помним финал пушкинской поэмы. Но Толстой пишет вполне реальную быль. Симпатия Дины – это скорее признательность Жилину за его игрушки, заботу, доброту, это детская привязанность ребёнка к взрослому.

Жилин пробирается к своим. К утру вышел из леса, увидел крепость. Тут его заметили трое конных татар: «Замахал (Жилин – В. Л.) руками, закричал что было духу своим:

– Братцы! Выручай! Братцы!

Услыхали наши, – выскочили казаки верховые. Пустились к нему – наперез татарам [2, с. 229].

И без всякого пафоса Толстой заканчивает своё повествование от лица Жилина: «Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя. И остался служить на Кавказе. А Костылина только ещё через месяц выкупили за 5000. Еле живого привезли» [2, с. 250].

С пушкинской поэмы до толстовской были прошло полвека, а кавказский сюжет не изменился. Он и сегодня, к сожалению, актуален.

Кавказской жизни конца XIX века посвящён роман «Беглец» Ф. Ф. Тютчева, сына знаменитого поэта. Действие романа начинается в 1876 году. Автор рассказывает историю загадочного Муртузы-Аги, которым оказывается грузинский князь Каталадзе, убивший из ревности капитана Некрасова и вынужденный бежать в Суджу к Чингис-хану, «властителю полунезависимого разбойничьего государства персов».

Действие происходит в пограничном селении Шах-абад. Офицер-пограничник Воинов влюблён в Лидию, родственницу жены одного из офицеров. Воинов рассказывает Лидии о Кавказе, его народах, говорит о храбрце Муртузе-Ага. А потом Лидия случайно знакомится с ним: «Это был человек среднего роста, лет 38, с красивыми усами, большеглазый, худощавый,

нервно подвижный, с изящными жестами». Герои влюбляются. Появляется слух, что Муртуз-Ага погиб в стычке с курдами при переправе через границу с Турцией.

На самом деле он остался жив, он рассказывает Лидии свою историю и предлагает бежать с ним в Европу. Роман Тютчева не случаен. Сын поэта 30 лет был на военной службе, проделав путь от вольноопределяющегося до полковника. Он служил в погранвойсках в Закавказье, Западной Грузии, на границах с Турцией и Ираном. Несколько его произведений посвящены Кавказу, например, «На скалах и долинах Дагестана» (1899). Он закончил это произведение в год 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина, который одним из первых создал поэму на кавказском материале.

Русских писателей XIX века можно считать своеобразными кавказскими пленниками, потому что они платили дань любви Кавказу своими произведениями, сделавшими бессмертным этот горный край.

Литература

1. Пушкин, А. С. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1. / А. С. Пушкин. – Москва : Худож. лит., 1978.

2. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 10. / Л. Н. Толстой. – Москва : Худож. лит., 1982.

3. Тютчев, Ф. Ф. Кто прав? Беглец / Ф. Ф. Тютчев. – Москва : Правда, 1990. – 464 с.

4. Энциклопедический словарь : биографии : в 12 т. Т. 2 : Бейкер – Вакер./ Брокгауз и Ефрон. – Репр. изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1992. — 831 с.

5. Люкшинова, В. Д. Кавказские пленники / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 22. – 2014. – С. 9–15.

Две метели в русской литературе

Метель – сильный ветер со снегом
С. И. Ожегов

Недавно довелось мне прочитать дневники и письма Л. Н. Толстого. И в них нашла отклики на творчество А. С. Пушкина, которому Толстой приходился четвероюродным племянником.

В своих высказываниях об А. С. Пушкине Толстой то восхищён, то чуть ли не плюётся. Вот отрывки из его письма сестре М. Н. Толстой (05.06.1856, Я. П): «Я приехал домой в 4 часа утра, все спали, и я, усевшись на балкон, прочёл пушкинского «Дон Жуана» и до того был в восторге, что хотел тотчас писать Тургеневу об своём впечатлении».

А в дневнике (07.07.1856) читаем: «Читал Пушкина 2 и 3 часть; «Цыгане» прелестны, как и в первый раз, остальные поэмы, исключая «Онегина», ужасная дрянь».

Размышляя о судьбе русской литературы XIX века в письме к Н. Н. Страхову от 03.03.1872 (Я. П), он сообщает: «Последняя волна поэтическая – парабола была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы, грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выживает, бог даст, а пушкинский период умер совсем, сошёл на нет».

Тому же Страхову он напишет 22, 25.03.1872 (Москва): «Я изменил приёмы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уже о наших досужих вымыслах, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, мне мил».

А вот запись в дневнике от 31.10.1853: «Я читал «Капитанскую дочку», и увы! Должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара не слогом, – но манерой изложения. Теперь справедливо в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий. Повести Пушкина голы как-то».

Стало как-то обидно за Александра Сергеевича. Тут же припомнилось, сколько раз его пытались сбросить с «корабля современности». Вот и решила перечитать рассказ «Метель» Л. Толстого и одноимённую повесть А. Пушкина. Так сказать, для сравнения.

Лев Толстой датировал свой рассказ 11 февраля 1856 года. «Метель» стала одним из первых опытов в изображении русской

деревни и русского мужика в прозе Толстого. Мысль о «Метели» возникла ещё в 1854 году, когда Толстой возвращался с Кавказа в Ясную Поляну. «Ровно две недели был в дороге, – записал он в дневнике. – Поразительного случилось со мною только метель».

Рассказ повествует об одной ночи из жизни героя, от лица которого излагаются события. Офицер едет со станции и попадает в метель. «Хотя снегу не было сверху, над головой не виделось ни одной звёздочки, и небо казалось чрезвычайно низким и чёрным сравнительно с чистой и снежной равниной, расстилавшейся впереди нас».

Начинается метель в голой степи, и герой рассказа не знает, что делать: ехать дальше или вернуться назад, «...снег на воротнике таял весьма скоро; заметь низовая всё усиливалась, и сверху начинал падать редкий сухой снег» Ямщик беспокоится, что заморозит барина: «Как потом за вашу милость отвечать?».

Толстой мастерски изображает все фазы зарождения метели: «Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шёл сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать; нос и щёки сильно зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться».

«Напрасно глаз ищет нового предмета: ни столба, ни стога, ни забора – ничего не видно. Везде всё бело, бело и неподвижно: то горизонт кажется необъятно-далёким, то сжатым на два шага во все стороны, то вдруг исчезает и вырастает справа и бежит вдоль саней, то вдруг исчезает и вырастает спереди, чтобы убежать дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверх – покажется светлое в первую минуту – кажется, сквозь туман видишь звёздочки; но звёздочки убегают от взора выше и выше, и только видишь снег, который мимо глаз падает на лицо и воротник шубы; небо везде одинаково светло, одинаково бело, бесцветно, однообразно и постоянно подвижно. Ветер как будто изменяется и то дует навстречу и лепит глаза снегом, то сбоку досадно закидывает воротник шубы на голову и насмешливо треплет им меня по лицу, то

сзади гудит в какую-нибудь скважину. Слышно слабое неумолкаемое хрустение копыт и полозьев по снегу и замирающее, когда мы едем по глубокому снегу, звяканье колокольчиков».

Герой, убаюканный метелью, то видит сны о своей деревенской жизни, то вступает в диалог с ямщиком. О своих ощущениях герой рассказа говорит так: «Признаюсь, хотя я и боялся немного, желание, чтобы с нами случилось что-нибудь необыкновенное, несколько трагическое, было во мне сильней маленькой боязни».

И эти мысли приходят герою в метельной сумятице: «Везде кругом, что мог окинуть глаз, лежал на поле белый, острыми слоями рассыпанный глубокий снег. Кое-где виднелся сереющий бугорок, через который упорно летела мелкая, сухая снежная пыль».

Проплутав ночь, то присоединяясь к курьерским тройкам, то следуя за обозом, герой встречает утро: «Снег всё становился белее и ярче, так что ломило глаза, глядя на него. Оранжевые, красноватые полосы выше и выше, ярче и ярче расходились вверх по небу; даже красный круг солнца завиднелся на горизонте сквозь сизые тучи; лазурь стала блестящее и темнее».

Рассказ Л. Толстого «Метель» заканчивается вполне оптимистично: «Утром подъехали к станционному дому. Игнашка повернул ко мне своё засыпанное снегом, дышащее морозом весёлое лицо.

– Доставили-таки, барин! – сказал он».

Метель в толстовском произведении «идёт» на протяжении всего повествования, рассказ – великолепная пейзажная зарисовка, на фоне которой автор знакомит читателя с разными людьми: ямщиками, курьерами, крестьянами из его сна.

Метель в рассказе Толстого не стала судьбоносной для его героев. Не случайно главный герой мечтает о том, чтобы произошло что-то «необыкновенное».

Зато в пушкинской повести метель стала роковым обстоятельством в судьбах её действующих лиц. Именно в метель героиня бежит из дома, чтобы тайно обвенчаться с армейским офицером, своим избранником. «На дворе была метель, ветер выл, ставни тряслись и стучали, всё казалось ей (Марье Гавриловне – В. Л.) угрозой и печальным предзнаменованием».

Марья Гавриловна вышла на заднее крыльцо: «Метель не утихала, ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу». И она летит навстречу судьбе. А в это время армейский прапорщик Владимир Николаевич отправляется из своей деревеньки в Жадрино один в маленьких санях «в одну лошадь», а тройку отправляет в Ненарадово с надёжным Терёшкой. «Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло: окрестности исчезли во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу, небо слилось с землёю; Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала в сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались; Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу».

Владимир проплутал всю ночь и не попал в церковь, где его ждала перепуганная Марья Гавриловна. Метель сыграла зловещую роль и в жизни гусарского полковника Бурмина, который в эту же метельную ночь обвенчался по «непонятной, непростительной ветрености» с чужой невестой. «Преступная проказа» встанет на пути к его счастью с Марьей Гавриловной

через несколько лет. Он признается ей в том, что с ним случилось.

«Боже мой, боже мой! – сказала Марья Гавриловна, схватив его руку. – Так это были вы! И вы не узнаете меня?» Бурмин побледнел ... и бросился к её ногам».

Повесть Пушкина по объёму меньше рассказа Толстого, но она более динамична, эмоциональна, чем рассказ нашего знаменитого земляка. Не случайно именно произведение Александра Сергеевича стало отправной точкой для создания одного из самых выдающихся музыкальных шедевров XX века – «Музыкальных иллюстраций к повести «Метель» Г. В. Свиридова. Миниатюры «Тройка», «Вальс», «Весна и осень», «Романс», «Пастораль», «Военный марш» любимы многими людьми.

«Музыка Свиридова как нельзя более соответствует духу пушкинской повести, её простоте и безыскусности, простодушию её героев, их цельному, гармоническому восприятию жизни... Это музыка, насквозь пронизанная мелодическим началом, которое в ней решительно преобладает. Гармонии очень просты, хотя подчас оригинальны и изысканны в своём роде». Музыка Свиридова стопроцентно соответствует мелодии пушкинского произведения. Именно мелодии, тому, что исчезло из русской литературы после Пушкина.

Рассказ Толстого «Метель» не может родить такой музыки. Он неэмоционален. Вроде бы всё на месте, но нет в нём пушкинского простого, искреннего, радостного мотива, той гениальной краткости, о которой Толстой ошибочно сказал: «...голо как-то».

И конечно, странно читать такое слово, как «дрянь», применительно к поэмам Пушкина. Тут, как говорится, Лев Николаевич хватил!

После Пушкина русская литература лишилась изысканной простоты, она стала многословной: вспомним знаменитые периоды (предложения в целую страницу) Толстого или бросающуюся в глаза небрежность письма всегда спешившего

Достоевского. Пушкин такого не допускал, он слишком ценил произнесённое или написанное слово и отвечал за каждое своё. Он был гением, хотя этим словом называли и Толстого, и Достоевского, мастеров так называемого критического реализма. Но Пушкин – единственный и неповторимый среди прочих гениев.

И он никогда не устареет, вопреки мнению некоторых именитых критиков. Пушкин вечен благодаря своей особой гармоничности восприятия мира, такой, какой не было ни у кого из его гениальных последователей, и даже у его четвероюродного племянника, великого путаника Л. Н. Толстого.

Литература

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Рус. язык, 1984.

2. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 / А. С. Пушкин. – Москва : Худож. лит., 1978.

3. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : Худож. лит.

Т. 19–20. – 1984.

Т. 21–22. – 1985.

4. Люкшинова, В. Д. Две метели в русской литературе / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 19. – 2013. – С. 9–13.

Два романа

Памяти Джейн и Александра посвящается

Эти произведения являются обязательными к изучению в школах, колледжах и даже университетах. Речь идёт, наверное, о самом известном английском романе «Гордость и предубеждение» Джейн Остин и романе в стихах «Евгений Онегин» Александра Пушкина.

Время создания

В общей сложности Джейн Остин (1775–1817) работала над текстом романа 17 лет, и вышел в свет он в 1813 году; Пушкин (1799–1837) начал работу над «Евгением Онегиным» в мае 1823 года и закончил в декабре 1831 года. Работал 7 лет 4 месяца 17 дней.

Главные герои

Пушкинский Евгений Онегин предположительно родился в 1795 году; таким образом, к 1825 году романа, ему 30 лет.

В 1820 году Татьяне Лариной – 17 лет, к концу романа – 22 года. Разница в возрасте между ними примерно 8 лет.

Героиня романа «Гордость и предубеждение» Элиза Беннет на вопрос леди де Бер, сколько ей лет, отвечает: «Больше 21 года». А главному герою – мистеру Дарси – 28 лет, о чём он сам говорит Элизе в одном из диалогов, завершающих роман: «Таким я был до 28 лет».

Все четверо жили примерно в одно время. Что же мы узнаём о них из романов Остин и Пушкина?

Начнём с дам. Пушкинская героиня

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,

Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.

Татьяна задумчива, мечтательна:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;

Она влюблялася в обманы
И Ричардсона, и Руссо.

В то же время Татьяна решается на поступок, немислимый для дворянской девушки того времени: Она первая признаётся в письме к Онегину в своей любви:

Другой!... Нет, никому на свете
Не отдала бы сердце я!

Сам автор так оценивает письмо своей героини:

Кто ей внушил и эту
нежность,

Кто ей внушил любезный
вздор,

И слов любезную
небрежность?

Безумный сердца разговор
И увлекательный, и
вредный?

Да, верно, те романы, которые она читала.

О круге чтения Элизы Беннет в романе Джейн Остин мы ничего не знаем. Она читает просто книгу. Остин не уточняет какую. Для её героини это не важно. Она полная противоположность нашей Татьяне. Весёлая, общительная, Ироничная, с острым языком.

Она умна, как Татьяна, но ум её лишён романтических черт. Её учит обычная жизнь обычных и даже заурядных людей.

Но с нашей Татьяной её объединяет то, что обе они выделяются из той среды, в которой оказались волею судьбы.

Татьяна в письме к Онегину пишет:

Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,

Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

Элизабет Беннет тоже не в восторге от своей родни и соседей, но она не воспринимает своё одиночество так трагически. Сказывается здравый смысл или английская ментальность, а может, писательница, всю жизнь проведшая в провинции, случайно или нет, наделила героиню своими чертами, например, особым взглядом на те обстоятельства жизни, в которые героиня была поставлена; Элиза Беннет находит интерес в, казалось бы, совсем неинтересном. Вряд ли её можно представить подолгу сидящей на балконе, чтобы предупредить «зари восход».

Можно сказать, что у героинь двух романов разной темперамент, англичане более сдержанные, они подчиняются «доводам рассудка» (так, кстати, называется один из романов Джейн Остин), Татьяна («русская душою») живёт по велению этой самой души, поэтому ей свойственно совершать необдуманые поступки, такие, как, например, письмо к Онегину. Вряд ли такая идея могла прийти в хорошенькую головку Элизы Беннет.

Обе героини влюбляются в мужчин, резко выделяющихся на фоне других. Становление Евгения Онегина как личности довольно подробно описано Пушкиным. И до встречи его с Татьяной мы многое узнаём о нём. История отношений Евгения и Татьяны высвечиваются Пушкиным в романе.

Онегин, «забав и роскоши дитя», гордец и эгоист, свысока смотрящий на окружающих, способен оценить любовь юной девушки, но не способен ответить на эту любовь, и мы знаем почему: «рано чувства в нём остыли», он не хочет ограничить «жизнь домашним кругом».

Позже, полюбив Татьяну, он попытается объяснить ей причину того, почему ответом на её письмо стала отповедь:

Чужой для всех, ничем не
связан, Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как
Я думал: вольность и покой наказан...

Через несколько лет после расставания герои пушкинского романа встречаются в Петербурге. Татьяна уже не деревенская девочка, а светская дама.

Никто б не мог её
прекрасной Того, что модой
самовластной
Назвать, но с головы до ног В высоком лондонском
Никто бы в ней найти не кругу
мог Зовётся vulgar. Не могу.

Такая Татьяна заставляет сердце Евгения забиться с новой силой. И вот что говорит пушкинская героиня Онегину в последнюю их встречу:

Тогда – не правда ли? – в
пустыне, Теперь бы всеми был
замечен
Вдали от суетной молвы, И мог бы в обществе
Я вам не нравилась. Что ж принести
ныне Вам соблазнительную
Меня преследуете вы? честь?
..Не потому ль, что мой
позор

Наученная опытом столичной жизни, Татьяне не верит любви Онегина. Его чувства для неё «обидная страсть». Упрёком для Онегина звучит её вопрос:

Как с вашим чувством и умом
Быть чувства мелкого рабом?
Теперь Татьяна отчитывает Онегина. Она осталась прежней и откровенно признаётся в этом Онегину. Татьяна не может изменить себе, отсюда её горькое признание:
Я вас люблю (к чему
лукавить?), Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Элиза Беннет, наоборот, обретает, наконец, долгожданное счастье.

Евгений Онегин и Фицуильям Дарси отнюдь не близнецы – братья. Будучи современниками, они являются людьми одного сословия – дворянства. Воспитанные, гордые, самоуверенные, они считают себя столпами общества, оба достаточно эгоистичны. Но Онегин – сын промотавшегося помещика, живущий на наследство дяди, того самого, о котором мы узнаём

в начале пушкинского романа, а мистер Дарси очень небедный человек.

Дарси получил, видимо, неплохое образование, чего не скажешь о нашем Онегине:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь.

И Онегин, и Татьяна – люди книжные, чего не подумаешь об англичанах – мисс Беннет и мистере Дарси, они здраво рассуждают о людях и жизни, что, может быть, в конце концов, и помогает им разобраться в собственных чувствах.

Понятие «эгоист» не имеет национальности, но судьбы русского и английского эгоистов складываются по-разному. Русский оказывается у разбитого корыта, английский – перевоспитывается. «Всю жизнь я был эгоистом если не по образу мыслей, то, во всяком случае, в поступках. Когда я был ребёнком, мне дали понятие о правильном и неправильном, но не показали, как надо лепить свой характер. Мне привили хорошие принципы, но позволили следовать им с гордостью и высокомерием. Я был испорчен моими излишне великодушными родителями. Они допускали, одобряли, почти воспитывали во мне эгоизм и власть, пренебрежение ко всем, кто находился за пределами нашего семейного круга, презрение ко всему остальному миру, готовность ни во что ни ставить ум и заслуги других людей по сравнению с моими собственными. Таким я был от 8 до 28 лет. И таким бы я оставался до сих пор, если бы не вы, мой чудесный, мой дорогой друг Элизабет! Чем только я вам не обязан! Вы преподнесли мне урок, который показался мне, правда, горьким, но на самом деле был необыкновенно полезным».

Этот урок пошёл на пользу мистери Дарси, подарив ему семейное счастье, и такой же урок сделал Евгения Онегина вечным странником, бездомником.

Энциклопедия русской жизни – роман о рождении чувства

Виссарион Григорьевич Белинский назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни». В этом произведении мы, читатели, знакомимся с панорамой жизни

России в первой четверти XIX века, жизни социальной, культурной, Россия столиц и Россия провинциальная живо встают на страницах пушкинского шедевра. «В романе Пушкина главное не повороты сюжета (всё в нём очень просто), а мысли, чувства, искания героев и автора», – писала Н. Долинина в книге «Прочитаем Онегина вместе».

Она же говорит о том, что «в будничной, простой жизни обычных людей хочет найти поэт высокие страсти, и прекрасные чувства, глубокие и сильные характеры». Но именно этим и занималась и Джейн Остин, которую считают певцом английской провинции.

О своём шедевре «Гордость и предубеждение» сама писательница отзывалась так: «Роман этот слишком легковесен, слишком блестит и сверкает; ему не хватает рельефности: растянуть бы его кое-где с помощью длинной главы, исполненной здравого смысла (да только где его взять!), а не с помощью серьёзной и тяжёлой бессмыслицы, никак не связанной с действием, – вставить рассуждение о литературе, критику Вальтера Скотта, историю Буонапарта или ещё что-нибудь, что дало бы контраст, после чего читатель с удвоенным восторгом вернулся бы к игривости и эпиграмматичности первоначального стиля».

В романе Джейн Остин, действительно, нет никаких отступлений. Автор присутствует на страницах своего произведения очень ненавязчиво, он позволяет себе только в завершающей главе рассказать о судьбе своих героев.

Автор в «Евгении Онегине» является действующим лицом, открыто демонстрируя своё отношение к героям и событиям, но это скорее достоинство пушкинского шедевра, чем недостаток.

Благодаря автору читатель узнаёт о литературных, театральных его пристрастиях, событиях биографии самого поэта, которые оказываются искусно вплетёнными в художественную ткань романа. «Евгений Онегин» стал литературным событием русской культурной жизни XIX века.

И таким же англичане считают один из самых известных романов Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

О литературной братии

Английские исследователи творчества Джейн Остин говорят о том, что писательница чётко ориентировалась в литературных потоках своего времени. «Воспитанная на прозе Филдинга», Ричардсона, Джонсона, Стерна, она высмеивает эпигонов сентиментализма – авторов «романов чувствительности». Джейн Остин отвергла и распространённый в 80-90-е годы эпистолярный роман, в котором приёмы Ричардсона, новаторские в средние века, превратились в застывшие формы... Весьма отрицательно она относилась к «готическому роману» английских романтиков...

Байрона Джейн Остин не слишком жаловала. В его сочинениях, за которыми, судя по её переписке и упоминаниям в романах, она внимательно следила, Остин со свойственной ей интеллектуальной чуткостью не приняла в первую очередь «байронизма». Сложнее было отношение Джейн Остин к Вальтеру Скотту. Но он, как и Радклиф, подкупал её своей естественностью, хотя само романтическое видение мира, присущее ему, не могло не раздражать Остин ... как бы Джейн Остин не преклонялась перед просветителями, их традиции уже оказались тесны для неё.

Отношение Джейн Остин к Просвещению строится с позиций нового времени и нового зарождающегося искусства, которое уже «оплодотворено» романтизмом с его повышенным, иногда даже болезненным интересом к человеку и его внутреннему миру», – пишет во вступительной статье к трёхтомнику Остин Е. Гениева.

И Пушкин весьма определённо говорит о своих литературных предпочтениях. Так он иронично отзываясь о сентиментальных и романтических мотивах в стихах Ленского:

Он пел любовь, любви	И нечто, и туману даль...
послушный...	Он пел поблеклый жизни свет
Он пел разлуку и печаль,	Без малого в осьмнадцать лет.

В рассказе о Ленском пародируется стиль романтической элегической поэзии. В 11 строфе 3 главы «Евгения Онегина» даётся характеристика нравоучительного романа XIX века, его образов, поэтики, 12 строфа – рассказ от «унылом» романтизме, о героях «готического романа». Так что выбор был сделан и Джейн Остин, и Александром Пушкиным. Этот выбор – реализм.

Россия – Англия

Никаких «русских следов» в романе Остин не обнаруживается, зато английских полным-полно – в «Евгении Онегине». Пушкин был лучше осведомлён об Англии, нежели Остин – о России. Отсюда в «Евгении Онегине» такие выражения, как «как dandy лондонский одет», «перед ним ростбиф окровавленный», «Лондон щепетильный», «подобный английскому сплину», Чайльд-Гарольд, Альбион, «Байрон гордости, поэт», «британской музы небыллицы», «певцу Гюльнарны подражая», «москвич в Гарольдовом плаще», « в высоком лондонском кругу».

Возможно, это результат разницы в образовании: Остин, по существу, училась дома, она не закончила ни одной из трёх школ, в которых находилась вместе с сестрой Кассандрой, а Пушкин учился, хоть и неважно, но в престижном Царскосельском лицее, был одним из лицеистов знаменитого первого выпуска. Но скорее всего причина в другом. Пушкин писал художественную историю русской жизни, а Остин – такую же – человеческой страсти. Оба с блеском решили поставленную перед ними задачу.

История страсти

В «Евгении Онегине» она, хоть и держит сюжет, но является одной из тем романа.

У Остин история страсти – главное. И показана она с поистине гениальной и завораживающей простотой. Мы не устаём следить за поворотами в отношениях героев.

Вот Дарси после знакомства с Элизабет: «Несмотря на то, что своим придирчивым оком он обнаружил ни одно отклонение от идеала в её наружности, он всё же был вынужден признать её необыкновенно привлекательной. И хотя он утверждал, что поведение Элизабет отличается от принятого в

светском обществе, оно подкупало его своей живой непосредственностью».

Увидев бестактных родственников мисс Беннет, «Дарси чувствовал, что он ещё никогда не был так сильно очарован никакой другой женщиной. И ему было ясно, что если бы у Элизабет оказались более подходящие родичи, его сердцу угрожала бы некоторая опасность».

Вот Элизабет в Незерфилде ухаживает за заболевшей сестрой: «...Элизабет пробыла в Незерфилде достаточно долго. Чары её действовали на него (Дарси – В. Л.) гораздо сильнее, чем ему бы хотелось... Он весьма мудро рассудил, что ему следует избегать всяческих знаков внимания по отношению к Элизабет, которые позволили бы ей заподозрить, что от неё может зависеть его счастье».

Бал в Незерфилде: «Мистер Дарси уже питал в своём сердце достаточно сильную склонность к Элизабет, благодаря которой он быстро нашёл ей оправдание».

Шарлотта в Розингсе говорит Элизабет о Дарси: «Элиза, дорогая, он должно быть, в тебя влюблён, он ни за что бы так просто к нам не пришёл».

И вот кульминация – признание Дарси: «Знайте же, что я вами бесконечно очарован и что я вас люблю! ... страстная любовь звучала в них (словах – В. Л.) не сильнее, чем уязвленная гордость».

Письмо Дарси, а затем рассказ о хозяине Пемберли домоправительницы приводят Элизабет к следующим выводам: «Она размышляла над огромной ответственностью за человеческие судьбы, которая возлагалась на Дарси его положением старшего брата, землевладельца, хозяина дома. Сколько мог он принести людям добра и зла! Сколько радостей и горестей находилось в его власти: каждая чёрточка его характера, упоминавшаяся домоправительницей, располагала в его пользу. И, стоя перед полотном, с которого на неё смотрели его глаза, Элизабет думала о его чувстве с гораздо более глубоким участием, чем когда-либо прежде: она вспоминала,

как пламенно признался он ей в своей любви, и старалась загладить в памяти неподобающую форму этого признания».

После случайной встречи с Дарси в Пемберли: «Её мысленному взору представлялась та единственная, хоть и неизвестная ей комната дома, в которой должен был сейчас находиться мистер Дарси. Ей хотелось понять, какие мысли бродят у него сейчас в голове, что он о ней думает и сохранил ли к ней, вопреки всему, нежное чувство. Не был ли он так любезен только потому, что чувствовал себя здесь более свободно? Но в его голосе слышалось нечто такое, что нельзя было счесть за непринуждённость. Было неясно – обрадовался ли он этой встрече или она его расстроила. Во всяком случае, он не отнёсся к ней безразлично».

Дарси очень любезно общается с дядей и тётёй Элизабет – Гардинерами. Элизабет не знает, что и думать о перемене, произошедшей с Дарси: «Не любит же он меня до сих пор?».

Отношение Дарси к Элизабет начинает замечаться её друзьями и родственниками: «Недавно возникшее подозрение относительно склонности мистера Дарси к их племяннице побуждало их (Гардинеров – В. Л.) к внимательному, хотя и осторожному наблюдению за ними *обоими*. И это наблюдение вскоре убедило их, что, по крайней мере, у молодого человека сердце задето вполне серьёзно. Чувства девицы ещё оставляли некоторое сомнение, но восторженное преклонение перед ней её кавалера казалось бесспорным».

И Элизабет меняет своё мнение о Дарси: «... ненависть исчезла несколько месяцев назад. И почти столько же времени она стыдилась того, что когда-то испытывала к нему предубеждение, которое принимала за ненависть. Невольно возникшее уважение к Дарси, вызванное признанием его положительных чувств, больше не противоречило её чувствам». «... эта любовь пробуждала в Элизабет ощущение пока неясное, ждущее своего развития, однако отнюдь не неприятное ... И ей только важно было понять, хочет ли она сама, чтобы его судьба оказалась связанной с её собственной, и будет ли она

способствовать их общему счастью, если, используя имеющуюся у неё, как ей подсказывала интуиция, власть, заставит его вновь просить её руки».

После побега сестры с Уикхемом «ещё никогда она (Элизабет – В. Л.) не сознавала с такой отчётливостью, насколько сильно она могла бы его (Дарси – В. Л.) полюбить, как именно сейчас, в ту самую минуту, когда ни о какой любви между ними больше не могло быть и речи».

И всё решив для себя, Элиза Беннет отвечает леди де Бер на её вопрос, «вы даёте мне слово никогда с ним (Дарси – В. Л.) не обручаться»: «Подобного обещания я не дам».

И вот ещё одно, уже последнее, объяснение: «Вы слишком великодушны, чтобы играть моим сердцем. Если ваше отношение ко мне с тех пор, как мы с вами разговаривали в апреле, не изменилось, скажите сразу. Мои чувства к вам все мои помыслы неизменны. Но вам достаточно произнести слов, и я больше не заговорю о них никогда».

Всей душой понимая неловкость его положения, Элизабет заставила себя ответить. И сразу хоть и не очень красноречиво, она дала ему понять, что за истекшее время стала смотреть на него совсем по-другому и теперь с благодарностью и радостью принимает его сегодняшние заверения. Такого ощущения счастья, которое при этом его охватило, он ещё никогда не испытывал. И он постарался выразить его столь пламенными и глубоко прочувствованными словами, какие могли только у человека, охваченного истинной страстью».

Мы расстаёмся с героями Остин тогда, когда они обрели, наконец, долгожданное счастье. Семейная идиллия в Пемберли венчает роман.

А у Пушкина? После объяснения Онегина с Татьяной:

И здесь героя моего,

Читатель, мы теперь оставим,

В минуту злую для него,

Надолго ... навсегда.

Как говорят сегодня: «Чувствуете разницу?».

Евгений Онегин и Фицуильям Дарси – разные люди, хотя есть у них нечто общее. Но мистер Дарси, без сомнения, более гармоничная личность, без таких душевных «вывихов», которые

есть у нашего соотечественника. Как это ни смешно звучит, но у англичанина Дарси нет ничего от так нелюбимого Остин Байрона и его созданий, а вот у русского Онегина на лицо все не самые лучшие качества Чайльд-Гарольда, героя, модного тогда в Европе.

Пейзаж в романе

Ну какой же роман без описания природы! И «Евгений Онегин» как «энциклопедия русской жизни» изобилует пейзажами – сельскими и городскими. Все четыре времени года нашли своё поэтическое отражение на страницах пушкинского шедевра.

Ещё со школы все мы помним «уж небо осенью дышало», «зима!... Крестьянин торжествуя», «томимы вешними лучами» и так далее. Городские пейзажи Москвы и Петербурга – полноправные «герои» романа. А вот у Джейн Остин пейзажей почти нет. Исключением является, пожалуй, описание Пемберли. Элиза Беннет и её тётя и дядя гуляют по окрестностям имения: «На протяжении полумили они медленно поднимались и в конце концов внезапно выехали на свободную от леса возвышенность, с которой широко открывался вид на долину с господским домом, стоящим на её противоположном краю. Это было величественное каменное здание удачно расположенное на склоне гряды лесистых холмов. Протекавший в долине полноводный ручей без заметных искусственных сооружений превращался перед домом в более широкий поток, берега которого не казались излишне строгими или чрезмерно ухоженными. Никогда ещё она не видела места, которое было бы более щедро одарено природой и в котором естественная красота была так мало испорчена недостаточным человеческим вкусом».

В поместье героя

Обе героини знакомятся с усадьбой и домом героев в отсутствие хозяина. Татьяна после отъезда Онегина из деревни попадает в его усадьбу, посещает его дом, читает его книги. И

всё равно не получает ясного ответа на вопрос: «Кто же такой Онегин?»

Чудак	печальный	и	Чужих	причуд
опасный,			истолкованье,	
Созданье ада иль небес,			Слов модных	полный
Сей ангел, сей надменный			лексикон!...	
бес.			Уж не пародия ли он?	
Москвич	в	гарольдовом		
плаще,				

Элизабет приезжает в Пемберли, осматривает родовое гнездо Дарси. Но ей не надо ломать голову над загадкой Дарси, она достаточно знает о нём, чтобы сделать кое-какие выводы.

И героиню Остин посещают иные думы, нежели нашу Татьяну. «И здесь-то я чуть было не стала хозяйкой! – размышляла Элизабет. – Я могла бы уже привыкнуть к этим комнатам».

Провинциальное общество

С ним мы встречаемся в обоих романах. В «Гордости и предубеждении» всё действие происходит в провинциальной Англии. Уже на первых страницах шедевра Остин читатель знакомится с семьёй Беннетов. Что же представляют собой миссис и мистер Беннеты?

«Она была невежественной женщиной с недостаточной сообразительностью и неустойчивым настроением. Когда она бывала чем-нибудь недовольна, то считала, что у неё не в порядке нервы. Целью её жизни было выдать дочерей замуж. Единственными её развлечениями были визиты и новости».

«Мистер Беннет связал свою судьбу с женщиной, привлекавшей его молодостью и красотой, а также мнимым добродушием, впечатление от которого нередко бывает создано только названными выше внешними качествами. Ещё в самом начале их брака эта женщина узостью взглядов и ограниченным развитием уничтожила в нём всякое чувство истинной супружеской привязанности. Уважение, доверие, духовная близость исчезли навсегда, а вместе с ними рассеялись все надежды на семейное счастье. Он любил природу и книги, и этими склонностями определялись его главные радости жизни».

А вот родители Татьяны.
Отец её был добрый малый,
В прошедшем веке
запоздалый.

Но в книгах не видал вреда;
Он не читая никогда.
Их почитал пустой
игрушкой...

Как видим, полная противоположность мистеру Беннету, находившему отдохновение от всех житейских забот в своей библиотеке.

Да и бабушка Ларина не совсем похожа на миссис Беннет. Когда-то её выдали замуж против её воли. Оказавшись в деревне

Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не
развелась;
Потом хозяйством
заялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она.
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как
супругом

Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по
субботам,
Служанок била осердясь –
Всё это мужа не спросясь.

Как видим, мать Татьяны Лариной особа деятельная, в отличие от Фанни Беннет.

Но муж любил её сердечно,
В её затее не входил,

Во всём ей веровал
беспечно,
А сам в халате ел и пил.

Этого не скажешь о мистере Беннете, он свою жену не любил, а только терпел.

Английская провинция, впрочем, мало чем отличается от русской. Всё те же балы, охота, сплетни, карточная игра. «Дарси ... видел вокруг себя толпу людей довольно безобразных и совершенно безвкусных, к которым он не испытывал ни малейшего интереса и со стороны которых не замечал ни внимания, ни расположения».

Вот соседи Лариных:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин
превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,

С детьми всех возрастов,
считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик
Петушков;
Мой брат двоюродный,
Буянов,

В пуху, в картузе с
козырьком
(Как вам, конечно, он
знаком),

И отставной советник
Флянов,
Тяжёлый сплетник, старый
плут,
Обжора, взяточник и шут.

Именины Татьяны. Обед, поздравления... Но чай несут. А
затем

Гремят отдвинутые стулья;
Толпа в гостиную валит:
Так пчёл из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным
обедом,

Девицы шепчут в уголку;
Столы зелёные раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист, доньше
знаменитый,

Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;

Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.

«Дамы тесно окружили столик, за которым Джейн
разливала чай .., Элизабет – кофе» ... «Чайная посуда была
убрана, карточные столы раскрыты». Это гости в доме Беннетов.

В общем, провинциальная жизнь и в России, и в Англии
имела одни и те же радости, проблемы, недостатки.

Из романов Остин читатель узнаёт, что в родовом
поместье Пемберли огромная библиотека. Мистер Фицуильям
Дарси с гордостью говорит о ней: «Она создана заботами не
одного поколения». А мисс Бингли, имевшая виды на Дарси,
подобострастно добавляет: «Но как много вы к ней прибавили
сами! Вы всё время покупаете книги».

Мистер Дарси считает, что образованная женщина должна
обладать «развитым обширным чтением умом».

Дарси невысокого мнения о провинциальном обществе. И
Лиззи Беннет не может не признаться сама себе в том, что он
прав.

Обитатели Лонгборна, Меритона, Розингса под
ироничным пером Джейн Остин превращаются в галерею
человеческих типов, напоминающих помещиков, соседей
Лариных в «Евгении Онегине».

Тут и практичные Лукасы, не чуждые любви к сплетням, и
тётушка Филипс, разносящая слухи по округе, и глуповатый
кузен сестёр Беннет священник Коллинз, читающий всем

нудные нравоучения; и офицеры ...ширского полка, расквартированные в Меритоне, так напоминают военных из пушкинского романа, и сёстры Лиззи Беннет, без всякого зазрения совести бегающие за офицерами, заставляют нас вспомнить о особой любви к обладателям военных мундиров у русских барышень.

Мать Татьяны Лариной в молодости влюблена в «игрока и гвардии сержанта», но выдали её замуж за помещика Ларина.

Судьба Ольги Лариной оказалась связанной с офицером:

Улан, своей невольник доли,

Был должен ехать с нею в полк.

Видимо, особая любовь дам к военным была общеевропейской традицией.

«Гордость и предубеждение»

Именно так назвала свой роман выдающаяся английская писательница Джейн Остин. Гордость – отличительная черта мистера Дарси, которую отмечает все героини этого произведения. Слово «гордость» и однокоренные ему слова встречаются в тексте 43 раза. А вот предубеждением страдает Элизабет Беннет. Но это слово встречается в романе всего 4 раза. Слово «гордость» и производные от него в романе «Евгений Онегин» мы находим в шести местах.

Горды и Евгений Онегин, и мистер Дарси, как кажется другим действующим лицам, даже слишком. Но также осуждается и предубеждение, которым страдает, например, мисс Беннет. Да и наша Татьяна Ларина в этом смысле не без греха. Н. Долинина в книге «Прочитаем Онегина вместе» пишет о том, что «Татьяна не умеет мыслить иначе, чем научили её сентиментальные романы». А в них «человек мог быть или прекрасным или злым, ангелом или бесом».

И Пушкин, и Остин считали, что человек более сложное явление в нём может быть и хорошее и плохое. Это узнаёт и Элиза Беннет, которой предубеждение помешало лучше понять мистера Дарси и чуть было не заставило отречься от собственного счастья.

«Роман на старый лад»

В одном из лирических отступлений «Евгения Онегина» читатель находит такие строки:

И Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы;	Перескажу простые речи Отца иль дяди старика, Детей условленные встречи У старых лип, у ручейка;
Тогда роман на старый лад Займёт весёлый мой закат. Не муки тайные злодейства Я грозно в нём отображу,	Несчастной ревности мученья,
Преданья русского семейства, Любви пленительные сны, Да нравы нашей старины.	Разлуку, слёзы примиренья, Поссорю вновь, и наконец Я поведу их под венец.

Читаешь это и на ум приходит шедевр Остин. Всё это есть в нём, только действие происходит в Англии.

Конечно, Джейн Остин ничего не знала о русском гении; когда она умерла, он только становился известным в России, а до Европы было ещё далеко.

Скорее всего, и Пушкин не слышал об английской романистке, а если он читал её шедевр, тогда станут понятны переключки в сюжете двух произведений.

Похожесть отдельных частей произведений вызвана скорее тем, что авторы реалистически отображали современную им жизнь, которая оказалась схожей и в России, и в туманном Альбионе.

Оба писателя впервые посмотрели на человека как на вместилище самых разных достоинств и недостатков, и от такого взгляда их герои только выиграли, именно своей неоднозначностью они привлекают читателей и почти два века спустя.

Кроме того, оба автора создали женские образы, ставшие символами своего времени. «Элизабет Беннет» («Гордость и предубеждение» – В. Л.) – художественное открытие Джейн Остин и единственный образ такого рода в английской литературе XIX века» (Е. Гениева).

Виссарион Григорьевич Белинский когда-то написал о Пушкине: «Он первый поэтически воспроизвёл, в лице Татьяны, русскую женщину».

Авторы и герои на экране

Джейн Остин и герои её произведений не раз появлялись на экране. Об английской писательнице создано несколько фильмов: «Мисс Остин сожалеет» (2008), «Джейн Остин» (2007). В первом фильме роль Остин исполнила Оливия Уильямс, во втором – Энн Хэтэуэй. Кроме того, с 1980 по 2008 годы появилось ещё четыре фильма о романистке. Самый любимый англичанами роман писательницы экранизировали 11 раз. Сериал «Гордость и предубеждение», созданный в 1995 году ВВС, является эталонной экранизацией, где всё на 100 процентов соответствует написанному Джейн Остин. Прекрасная режиссёрская, операторская работа, великолепный подбор актёров, продемонстрировавших понимание романа и создавших незабываемые образы Элизабет Беннет (Дженнифер Эль), мистера Дарси (Колин Фёрт), мистера Коллинза (Дэвид Бамбер), Джейн Беннет (Сюзанна Харкер), мистера Беннета (Бенджамин Уитроу), миссис Беннет (Элисон Стэдмен) и другие.

Пушкинская фильмография гораздо скромнее. О самом авторе сняты фильмы в 1910 году фирмой «Гомон», в роли поэта В. Кравцов, в 1924 году – «Поэт и царь», в роли Пушкина – Е. Червяков (режиссёр В. Гардин).

В 1982 году была остановлена картина «Жизнь Александра Пушкина» (режиссер Марлен Хуциев, Пушкин – Дмитрий Харатьян).

В конце XX века Аким Салбиев снял в Париже 15-серийный телефильм – жизнь поэта по версии Дантеса (Пушкин – Салбиев, Дантес – сын Алена Делона). К данному проекту были подключены ныне живущие потомки Дантеса.

Дочерью С. Ф. Бондарчука – Натальей Бондарчук создан фильм о Пушкине, в котором Пушкина сыграл Сергей Безруков.

Ну а «Евгений Онегин» снят в 1911 (по либретто оперы Петра Ильича Чайковского), затем в 1959 году появился фильм-опера (Евгений – В. Медведев, Татьяна – А. Шенгелая).

Англичане сделали свою драматическую версию «Евгения Онегина», которая может рассматриваться как акт особого почитания поэмы в Туманном Альбионе и уважения к русской литературе классического периода в целом.

«Слава покупается иногда чересчур дорогой ценой»

Так написала в письме тётке в Лондон Элизабет Беннет. И она была абсолютно права. Это утверждение можно отнести и к авторам двух гениальных романов, проживших короткую земную жизнь. Она в 41 год умерла от тяжёлой болезни, он был смертельно ранен в 37 лет на дуэли. Потомки Пушкина сегодня живут в разных уголках планеты. Остин умерла бездетной старой девой... Её наследие, вот уже две сотни лет приводящее в восторг читателей, – шесть романов, самым известным из которых является «Гордость и предубеждение».

В России существует Пушкинское общество, а в Англии – общество джейнистов, объединяющих людей, интересующихся жизнью и творчеством великой романистки.

Джейн и Александр!

Они удостоились посмертной славы, заплатив за это немалую цену при жизни. Но бессмертие того стоит.

Литература

1. Остин, Д. Собрание сочинений. В 3 томах. Том 1 / Д. Остин. – Москва : Худож. лит., 1988.

2. Пушкин, А. С. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2 / А. С. Пушкин. – Москва : Худож. лит., 1978.

3. Люкшинова, В. Д. Два романа : Памяти Джейн и Александра посвящается / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Новомосковск, 2010.

Вып. 9. – С. 3–8.

Вып. 10. – С. 3–16.

Список литературы

1. Зими́на, Т. (Люкшинова В. Д.) Гувернантка : повесть / Т. Зими́на (Люкшинова В. Д.). – Новомосковск : [б. и.], 2007. – 40 с.
 2. Люкшинова, В. Д. В театре : повесть / В. Д. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2014. – 28 с.
 3. Люкшинова, В. Записки сельской учительницы периода застоя : повесть / В. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2014. – 62 с.
 4. Люкшинова, В. Из тульских дворян : историко-генеалогические зарисовки, генеалогические наброски / В. Люкшинова. – Тула : Инфра, 2006. – 243 с.
 5. Люкшинова, В. Д. Литературные портреты. Поэты и прозаики Новомосковска. Наедине с текстом. Эссе / В. Д. Люкшинова ; ред.-корректор В. С. Гришин. – Новомосковск : [б. и.], 2004 (Экспресс-тип.). – 184 с.
 6. Люкшинова, В. Д. Литературные портреты-2. Поэты и прозаики Новомосковска. Статьи, эссе, заметки / В. Д. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2013. – 182 с.
 7. Люкшинова, В. Д. Пятое время года : повести и рассказы / В. Д. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2011. – 192 с.
 8. Люкшинова, В. Рассказы о животных / В. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2014. – 28 с. : ил., фото.
 9. Люкшинова, В. Статьи о литературе / В. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2015. – 66 с. : ил., фото.
- ***
10. Алфавит: литераторы и краеведы Новомосковска, Богородицка, Донского, Кимовска, Узловой / сост. : Н. С. Круглова, В. Д. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2015. – 30 с.
 11. Лик : литературно-краеведческий альманах. Вып. 1 / редкол. : О. Копылова, В. Люкшинова, О. Холяпина, Е. Барткевич, В. Гришин ; отв. ред. В. Люкшинова. – Новомосковск : [б. и.], 2008. – 189 с.

12. Новомосковское бюро путешествий и экскурсий (1968–2000) / редкол. : Люкшинова В. Д., Польшина А. В., Топчий А. В. – Новомосковск : [б. и.], 2015. – 58 с. : ил., фото.

13. Новомосковское Пушкинское общество : вчера, сегодня, завтра / Новомосковская Тул. обл. район. общественная орг. «Пушкинское общество» ; редкол. : Гришин В. С., Люкшинова В. Д. (отв. секретарь), Топчий А. В., Польшина А. В. – Новомосковск : [б. и.], 2014. – 211 с. : ил., фото.

14. «Белеет парус одинокий» // Новомосковский пушкинист. – Вып. 12. – 2010. – С. 2–5.

15. Великий день Бородина // Новомосковский пушкинист / Новомосковская Тул. обл. районная общественная орг. «Пушкинское общество» ; под ред. Т. А. Филимоновой ; координаторы проекта Т. Гладкова, В. Люкшинова – Вып. 16. – 2012. – С. 1–8.

16. Выступление В. Люкшиновой на совещании общественных организаций Новомосковска 24 октября 2012 года по обсуждению стратегии государственной политики Российской Федерации по международным отношениям // Новомосковский пушкинист. – Вып. 18. – 2012. – С. 3–4.

17. Два романа : Памяти Джейн и Александра посвящается // Новомосковский пушкинист. – Новомосковск, 2010.

Вып. 9. – С. 3–8.

Вып. 10. – С. 3–16.

18. Две метели в русской литературе / В. Д. Люкшинова // Новомосковский пушкинист. – Вып. 19. – 2013. – С. 9–13.

19. Еще раз о Пушкине // Новомосковский пушкинист. – Вып. 20. – 2013. – С. 6–9.

20. Кавказские пленники // Новомосковский пушкинист. – Вып. 22. – 2014. – С. 9–15.

21. К вопросу о литературном процессе в городе // Новомосковск : от истоков до наших дней : материалы II городских краеведческих чтений. – Новомосковск, 2010. – С. 9–13.

22. «Краткий словарь тульских говоров» В. Гришина // Тульский край : традиции и перспективы : материалы I городских краеведческих чтений. – Новомосковск, 2009. – С. 47–48.

23. Лев Николаевич Толстой и кинематограф // «Встань и ты перед этим пророком в благоговейном безмолвии...» : материалы литературной трибуны, посвящённой 185-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. – Тула, 2014. – С. 41–48.

24. Муза, Е. (Люкшинова В. Д.) Тридцать семь дней / Е. Муза (В. Д. Люкшинова) // // Новомосковский пушкинист. – Вып. 17. – 2012. – С. 1–5.

25. Начальные века русской истории в романах Василия Седугина // Природа, история и культура: региональный аспект : материалы IV областных краеведческих чтений. – Тула, 2012. – С. 124–129.

26. О третьем выпуске сборника «Преподавание гуманитарных дисциплин в школе» // Новомосковский пушкинист. – Вып. 14. – 2011. – 15–20.

27. П. И. Чайковский и Тульский край // Новомосковск и Тульский край: времена и люди: материалы VII областных краеведческих чтений. – Тула, 2016. – С. 43–47.

28. По страницам книги А. С. Позова «Метафизика Пушкина» // Новомосковский пушкинист. – Вып. 18. – 2012. – С. 1–3.

29. По страницам Пушкинианы : (Из книги «12 зеркал Пушкина» // Новомосковский пушкинист. – Новомосковск, 2012. – Вып. 17. – С. 6–8.

30. Продолжение и окончание «Евгения Онегина» // Новомосковский пушкинист. – Вып. 20. – 2013. – С. 6–9.

31. Пушкин и философия: введение в тему // Новомосковский пушкинист. – Вып. 5. – 2009. – С. 7–9.

32. Род Буниных в русской литературе // История и современное развитие Тульского края : материалы III областных краеведческих чтений. – Тула, 2011. – С. 49–54.

33. Род Лермонтовых в русской истории // Наследие и стратегия развития Тульской области : материалы VI областных краеведческих чтений. – Тула, 2015. – С. 114–119.

34. Розанов о Пушкине // Новомосковский пушкинист. – Вып. 22. – 2014. – С. 5–8.

35. Хомяков Алексей Степанович // Тульский край : традиции и перспективы : материалы I городских краеведческих чтений. – Новомосковск, 2009. – С. 70–73.

36. Цыгане в жизни и творчестве А. С. Пушкина // Новомосковский пушкинист. – Вып. 13. – 2011. – С. 16–20.

37. Четверть века с Пушкиным // Новомосковский пушкинист. – Вып. 22. – 2014. – 1–4.

38. Этой мой Пушкин // Новомосковский пушкинист. – Вып. 15. – 2011. – С. 1–6.

39. Александр Копачёв / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст В. Люкшиновой. – Новомосковск, 2001. – 16 с. : ил, фото. – (Художники Новомосковска ; вып. 1).

40. Алексей Логунов / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; отв. за вып. В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2004. – 14 с. : ил. – (Литературные портреты ; вып. 5).

41. В небесах мы летали одних / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : Г. Тарасова, В. Люкшинова. – [Новомосковск], 2005. – 25 с. – (Знаменитые земляки ; вып. 4). – Библиогр. : 24 назв.

42. Василий Георгиевич Маликов / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова, Г. Тарасова. – Новомосковск, 2006. – 14 с. : ил. – (Знаменитые земляки ; вып. 6).

43. Владимир Александрович Большаков / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей; текст: В. Д. Люкшинова; набор текста: Н. С. Улицкая – Новомосковск, 2002. – 24 с.: ил. – (Литературные портреты; вып. 2).

44. Военно-исторические памятники Новомосковска / Историко-худож. музей, фил. – Археолог. музей; текст: В. Д. Люкшинова; набор текста: Н. Улицкая; фото: Ю. Титов, В. Павлов. – Новомосковск, 2001. – 16 с.: ил. – (Музейные коллекции; вып. 2).

45. Герб, флаг, гимн Новомосковска / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей; автор-сост. В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2002. – (Музейные коллекции; вып. 3).

46. Герой Советского Союза Иван Иванович Загрядский / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей; текст: Г. Тарасова, В. Люкшинова; набор текста: Н. Улицкая – Новомосковск, 2005. – 16 с.: ил. – (Знаменитые земляки; вып. 3).

47. Гришин, В. Фонетические и морфологические особенности тульских говоров / В. Гришин, В. Люкшинова; Новомоск. археолог. музей – фил. МУК «ОНИХМ»; МОУ «СОШ № 1». – Новомосковск, 2007. – 8 с. – (Лингвистическое краеведение; вып. 1).

48. Деревня Урванка. Урванский микрорайон / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей; текст подгот. ст. науч. сотруд. В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2000. – 10 с. – (Музейные коллекции; вып. 1).

49. Дмитрий Григорьевич Оника / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей; текст: В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2005. – 12 с.: ил. – (Знаменитые земляки; вып. 5).

50. Древние топонимы региона: (краткий справочник) / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей; авт.-сост.: В. Люкшинова, В. Гришин. – Новомосковск,

2002. – 27 с.: ил., фото. – (Достопамятные места региона ; вып. 1).

51. Елена Николаевна Николаева / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2006. – 12 с. : ил. – (Литературные портреты ; вып. 6).

52. Исток Дона / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; авт.-сост. текста В. Люкшинова. – Новомосковск, [2002]. – 12 с. : ил., фото. – (Достопримечательности Новомосковска ; вып. 1).

53. Историко-художественный музей г. Новомосковска. Филиал – Археологический музей : краткий путеводитель / текст : В. Люкшинова ; фото : Ю. Титов. – Новомосковск, [2003]. – 11 с.

54. Александр Васильевич Топчий / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2003. – 22 с. – (Литературные портреты ; вып. 3).

55. Вячеслав Михайлович Кузнецов / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова. – Новомосковск, 2003. – 20 с. – (Литературные портреты ; вып. 4).

56. Пётр Георгиевич Арутюнянц / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова ; набор текста : Н. С. Улицкая. – Новомосковск, 2003. – 12 с. : ил. – (Знаменитые земляки ; вып. 2).

57. Свято-Успенский мужской монастырь г. Новомосковска / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Люкшинова. – Новомосковск, 2006. – 16 с. : ил., фото. – (Достопримечательности Новомосковска ; вып.2).

58. Степан Васильевич Садовский / Историко-худож. музей г. Новомосковска, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова ; набор текста : Н. С. Улицкая. –

Новомосковск, 2002. – 16 с. : ил. – (Знаменитые земляки ; вып. 1).

59. Степан Яковлевич Поздняков / Историко-худож. музей, фил. – Археолог. музей ; текст : В. Д. Люкшинова ; набор текста : Н. С. Улицкая. – Новомосковск, 2001. – 12 с. : ил. – (Литературные портреты ; вып. 1).